



*Лариса Вячеславовна Дегтярева родилась в городе Астрахани. Окончила Астраханский технический институт рыбной промышленности и хозяйства. Работает ведущим научным сотрудником в Каспийском морском научно-исследовательском центре. Кандидат биологических наук. Публиковалась в газете «Литературная Россия», в региональных журналах «Ковчег», «День и ночь», «Южная звезда», «Зеленый луч» и др. Автор семи поэтических сборников и книги прозы. Финалист IV Международного литературного конкурса «Серебряный голубь России 2018». Член Союза российских писателей. Живет в Астрахани.*

**Лариса Дегтярева**

## СВОИМ ЧЕРЕДОМ

*Повесть*

“О том, что я была у папы, не говорить маме. О том, что я вылетаю из института, не говорить папе. О том, что папа дал мне пятьдесят рублей, не говорить Ольге. О том, что Валерий Петрович имеет судимость, не говорить никому».

Она сочиняла хорошие легенды, каждому дому — свою. Ее формула легенды — это неправда и правда, и еще раз неправда и правда. Например, сегодняшняя легенда для матери: «Была у Людмилы. (Неправда.) Представляешь, в библиотеке только пять учебников по частной ихтиологии. И это — на весь курс! Все разбились на кучки и вместе, всей кучкой, учат по одному учебнику. (Правда.) Завтра тоже у нее буду весь вечер. Нам чертежи надо чертить. (Неправда.) Я ведь сама и прямой линии не начерчу. (Правда, о которой не только родная мать, все на свете знали)».

К Людмиле она поедет в среду. Среда — тяжелый день. Практика по токсикологии. Ужаснейший предмет с ужаснейшей практикой! И ей предстоит дежурить. Подойти к огромному аквариуму, из всех рыб выбрать две, выловить их, а потом из этих двух одну положить в аквариум с чистой водой, а вторую — в аквариум с ядом. Что там будет? Фенол уже был, щелочь была... Может, пестициды? А потом сидеть вместе со всеми остальными и смотреть на рыбку. Записывать: «беспокойное поведение, обильная слизь, тяжелое дыхание...» Можно и не смотреть. Можно списывать у Людмилы, у нее са-

мый разборчивый почерк, а может быть, просто самый знакомый: «...рыба легла на дно, перевернулась, жаберные крышки перестали двигаться...» Самое страшное — самой выбрать из всех рыб одну, самой обречь ее на смерть, именно ее... Своими руками опустить ее в аквариум с ядом... При этом знать, что до нее очень многие очень великие ученые так сделали, все записали, все объяснили, и все им верят, но продолжают убивать рыбу на занятиях по токсикологии. Потом перепуганную рыбу, так называемый «контрольный экземпляр», из аквариума с чистой водой вернуть в огромный аквариум и шепотом пожелать ей удачи. А рыбу, которую сегодня не стало, выкинуть в мусорное ведро. И вымыть аквариумы.

И поехать к Людмиле. Там так тихо, так тепло... Там так много любви, что обязательно достанется и ей.

Поездки к Людмиле для успокоения начались в пору развода родителей. В то время дома было слишком плохо. Мама кричала и плакала, папа кричал и хлопал дверями, на папиной комнате висел замок, в центре зала на полу стопками лежали книги, мамины стопки и папины стопки, по разным углам мамины тряпки и папины тряпки, мамины коробки и папины коробки. А когда наступала ночь, плакала и кричала и сама Лера, бесслезно и беззвучно. Никто не замечал. Ни мама, ни папа... А наутро она уезжала к Людмиле.

Там было так тихо, так тепло... Бабушка денно и ночью пекла пирожки, дядя Саша балагурил. А тетя Галя светила. Она ходила по комнате и проливала свой свет везде. Поворачиваясь, она его расплескивала. Когда она выплескивала его на Леру, той становилось непривычно легко, и в то же время ей казалось, будто она вот-вот застанется в этом свете.

Там ждали чуда и молчали о нем. Потому что боялись его спугнуть, или оттого что еще не могли, не смели в него поверить. Слишком долго они ждали чуда.

Чудо назвали Вероникой. Этот, второй после Людмилы, такой желанный, такой долгожданный ребенок ничего еще не совершил в своей жизни, только тихо сопел в розовых пеленках. Но с его появлением в этом доме стало еще больше света, еще больше шуток и пирожков.

Случилось это как раз тогда, когда Лерка с матерью переехали в новую квартиру, разъехавшись с отцом. Лерка думала, здесь будет спокойнее, уютнее. Но все осталось по-прежнему. Лились слезы, хлопали двери, посреди зала, другого зала, нового — меньшего, более сумрачного, с почти бесцветными обоями, — стояли еще не распакованные коробки, по углам валялись еще не развязанные мешки.

Вся обида матери, вся злость ее теперь досталась Лерке. И та выслушивала каждый день монолог матери, почти один и тот же, начинавшийся обыкновенно с того, что не надо было ей, матери, выходить замуж за Леркиного отца. Что еще ее мать, мать матери, Леркина бабушка, не велела ей выходить замуж за него. И сестра, и соседи, и подруги, почти весь мир всем миром были против этого брака. А надо было выйти замуж за Ларионова. Или еще подождать, может, кто-нибудь и предложил бы потом... или попросил бы потом руку и сердце. Ведь были у нее поклонники потом. Сколько было поклонников! А отец... Сколько нервов он потрепал! Как невыносим он был! Как теперь жить без денег? Как же похожа Лерка на него... Как глянет исподлобья... Как будто он... Смотреть невозможно!

И Лерка уезжала к Людмиле, к свету, просто поболтать ни о чем, послушать, как кричит ребенок, задуматься, почему ребенок кричит так жалобно, а взрослый так страшно?..

Она возвращалась домой к ужину. Мать разливала по тарелкам суп, садилась напротив, начинала есть. Но едва только Лерка откусывала хлеб, мать бросала свою ложку в тарелку, обдав супом стол и себя, и выбегала из кухни, хлопнув дверью. И кричала оттуда, из-за двери: «Как ты похожа на своего отца! Ты ешь, как он! Смотреть невозможно!»

«Может, мне покрасить волосы в рыжий? — думала Лера. — Может, мне очки носить? Как перестать быть похожей на отца? Растолстеть?»

Стало немного легче, когда у матери закончился отпуск.

Рано утром она уходила на работу, возвращалась домой к шести часам, сразу бежала на кухню, гремела посудой. По громкости грохота, по его ритму Лера научилась определять, в каком настроении сегодня мать. Тихо, адажио — можно тоже прийти на кухню, рассказать что-то... В книжном магазине висит объявление — предлагают подписаться на Грэма Грина. Слетела набойка с замшевых туфель. По телевизору сказали — еще одна республика отделилась от Советского Союза. И показали: где-то резня, почти война... Если грохот звучал громко, аллегро, стаккато — Лерка садилась за письменный стол, раскладывала на нем открытые учебники: по химии, биологии, русскому языку, литературе — все сразу. Готовилась к экзаменам. Поступление в институт — дело важное, судьбоносное. Чаще всего мать, заглянув в комнату, увидев Лерку, склонившуюся над учебниками, молча удалялась. Но случалось и так, что после особенно громкого стаккато мать приходила, начинала ходить по комнате из угла в угол и плакать. Зачем надо было выходить замуж за этого человека? Ведь все говорили: не надо выходить замуж за этого человека. И правда! Сколько нервов он потрепал... Да еще и единственная дочь — копия он. И характером в него. Смотреть невозможно!

Лерка знала, надо немного подождать, дать матери выпустить часть боли, вылить часть обиды. А потом можно спросить: «Мам, а что, моляльность и молярная концентрация — это одно и то же?». Или: «Мам, я не знаю, как определить массу трех молей гидроксида натрия». Мать продолжала кричать, но это были уже термины, формулы, цифры. Это были пустяки.

В выходной день — к Людмиле. К пирожкам и шуткам. К свету и маленькому светловолосому чуду.

К отцу ходить было запрещено. Равно как и к бабушке с дедушкой. Скорее всего, потому, что там вполне себе запросто мог оказаться отец.

Лерка «подтягивала» Люду к экзаменам.

— Да не люби ты свою Наташу Ростову, никто тебя не заставляет! Но не пиши об этом никогда и нигде! Нельзя, — убеждала Лера. — Да. Влюбилась в Бориса, потом в Пьера, потом в Андрея, потом в Курагина, опять в Пьера. Это не ветренность, дорогая моя. Это широта души... Можно еще сказать — глубина образа... Это, если хочешь знать, детальное описание героини...

— Нет! Это — обыкновенная неверность, — спорила Людмила.

— Это жизнь! Посмотрим, сколько у тебя будет любовей. Уже две было? Борька и этот, как его... Слушай! У тебя тоже все началось с Бориса! Но тот Борис красивым был, кажется, насколько я помню. И по-французски разговаривал. А твой Борька на обезьяну похож. И по французскому у него одни двойки.

По химии споров не возникало. Говорила одна Лера. Людмила молчала.

— Что такое степень диссоциации?

Людмила молчала.

— Ну почему ты никак не можешь запомнить? Отношение числа распавшихся молекул к ...?

Людмила молчала.

— Общему числу молекул! Ты завалишь химию. Одна надежда — вдруг получится сесть рядом, я тебе подскажу.

— А еще шпаргалки, — подавала голос Люда.

Лерка вздыхала.

Биологию Лерка и сама толком не знала. Они просто читали друг другу по очереди, лежа на диване.

— Расположение листьев, — бубнила Лера. — Очередное — листья располагаются по очереди по одному. Примеры: яблоня, береза.

— С берез, неслышен, невесом, слетает желтый лист, — запевала Людмила. Чуть позже, завладев учебником: — Такая корневая система называется стержневая. Примеры: томат, картофель.

— Я есть хочу, — жаловалась Лерка. — Интересно, твоя бабушка уже допекла пирожки с картошкой?

Они поступили. И через неделю отправились в колхоз — вместе собирать помидоры, есть слипшуюся вермишель с еле слышным запахом мяса, учиться курить, спать под одним пологом, влюбляться в мальчиков...

Вернувшись, Лера узнала, что отец женился. Эта новость долетела через каких-то знакомых.

Помимо своей боли, похожей на порез, который никто не лечит, а он все сильнее краснеет и опухает, углубляется, расширяется, Лера терпела боль матери. Каждый вечер в холодеющем, остывающем после лета воздухе повисали вопросы. Зачем я вышла за него замуж? Женился, значит, да? Почему мы не развелись раньше, когда и я могла бы устроить свою жизнь? Сколько поклонников было, а?

Эти вопросы, безответные и такие сложные, висели над Леркой всю ночь. Невозможно было заснуть. Лерка слушала грохот проходивших в незаконной тьме поездов. Плакала.

Наутро она бежала со всех ног за тридевять земель к остановке, с трудом втискивалась в переполненный трамвай, приезжала в институт.

Дообеденная жизнь в институте была крайне безрадостна. И лекции, и практики.

Миловидная, тонкая, спокойная Людмила Анатольевна медленно, с глубокими паузами, диктовала с трибуны:

— Критика ламаркизма... Август Вейсман. Август Вейсман... Отвергал наследование приобретенных признаков... приобретенных признаков... возникших путем реагирования живых существ... на воздействие окружающей среды... окружающей среды... — и быстрее, в обычном темпе: — Чтобы доказать свою точку зрения, Вейсман поставил опыт. Вейсман разводил мышей. Каждой мышке отрубал хвост. Как мы с вами понимаем, по теории Ламарка, если в каждом поколении мышей будут только бесхвостые животные, хвосты должны атрофироваться. Но у Вейсмана, вернее, у его мышей, упорно рождались мышата с хвостиками. Он хвосты отрубает, но от бесхвостых родителей рождаются хвостатые дети. Он снова отрубает хвосты, но от бесхвостых родителей снова рождаются хвостатые дети.

Лерка слушала в полубормочном состоянии. Шептала сидящей рядом Людмиле:

— Он правда специально отрубал маленьким беззащитным мышатам хвостики? Он не оставил ни одного мышонка с хвостиком? Ни одного не пожалел? Все отрубил? Все для того, чтобы... Чтобы что?

Людмила вздыхала:

— Чтобы опровергнуть Ламарка.

Красивая, тонкая, воздушная Тамара Федоровна порхала между партами:

— Достаем лягушку из контейнера, кладем ее животом вверх. Пономарева! В поднос кладем! Селезнев, возьми лягушку помягче. Эта, вообще, по-моему, прошлогодняя. Определяем пол лягушки. Смотрим на передние лапки. Ищем, ищем уплотнение. У кого есть уплотнение? Ага. Ага. Все самцы, значит? Самок нет. Жалко. Ладно. Берем скальпель, делаем надрез от клоаки вверх. Теперь возьмите ножницы, так будет удобнее. И режем! Режем! Режем до рта.

— Можно выйти? — спрашивала Лера. И, не дожидаясь разрешения, выбежала в коридор в слезах.

Послеобеденная жизнь Лерке страшно нравилась. После обеда она шла в общежитие. Большинство ее однокурсников были иногородними. Они жили в маленьких комнатах по двое, по трое, по четверо. Они жили впроголодь, много курили, спали невпопад, слушали Eagles, Металлику, Цоя... Иногда, нечасто, делались какие-то уроки — задачки по высшей математике или по генетике, переводились английские или немецкие тексты, рисовались черви, рыбы, птицы, пищеварительные системы, круги кровообращения... В некоторых комнатах жили иностранцы — негры, арабы, индусы, латиноамериканцы... Оттуда доносились вкусные запахи, острые, пряные, незнакомо-приятные. В те комнаты из «наших» посылались гонцы — за ручкой, карандашом, калькулятором... Всякий раз с надеждой — вдруг пригласят на обед. Во всех комнатах жили тараканы. День-деньской смело бегали туда-сюда. Тоже в поисках еды.

Людмила в общежитие не ходила. После пар она бежала домой нянчить светловолосое чудо.

А Лере домой не хотелось. Была бы ее воля, она осталась бы жить в общежитии.

И она возвращалась домой совсем поздно. Мать была уже полусонной и совсем не злой.

Но каждое воскресенье Лера просыпалась от грома. Мать возилась на кухне. Кастрюли гремели в нижнем регистре. Тарелки — выше и ярче. На дальнем плане, еле слышно, шум воды. Мажор. Аллегро. Стакато.

Лерка уползала с головой под одеяло. Ждала. В комнату входила мать. И вопрошала. Зачем? Почему? Зачем? Почему? Вдруг выяснялось, что Лерка комкает одежду как отец. Смотреть невозможно! Потом действие перемещалось на кухню к завтраку. Там Лерка снова выслушивала. Зачем? Почему? Оказывалось, Лерка поднимает плечи как отец. Смотреть невозможно! И весь день, весь бесконечный день на Лерку было невозможно смотреть. Но все равно за ней пристально наблюдали и находили отцовские черты, ловили отцовские движения, угадывали отцовские интонации.

Куда бы Лерка не уводила разговор... Иностранцы так одеваются! Брюки в полосочку, рубашки с пальмами. Одежды яркие — красные, желтые, всякие. У одной девочки есть розовая кофта с огромным деревом на спине, а на дереве — маленькие коалы. Эта девочка заплетает много-много косичек. Тоненькие-тоненькие косички. Штук сто. Разговор все равно сводился к тому, что на Лерку невозможно смотреть. Или в другую сторону... А Людя встречается с мальчиком. Влюбилась. Потеряла голову. Он такой приятный, обаятельный.

— Ой, — фыркала мать, — твой отец поначалу был тоже такой приятный, ну такой обаятельный. Обаял меня. Почему? Зачем?

Дальше действие разворачивалось в зале, где мать отвлекал телевизор.

«Яблоки на снегу, яблоки на снегу. / Ты им еще поможешь, я себе не могу, — радостно пел с экрана, странно вихляясь, какой-то новый певец. — Ты их согрей слезами, я уже не могу».

— Согрей слезами? Какая чушь, — возмущалась мать.

— А чему он радуется? — недоумевала Лерка.

На экране появлялся другой певец, тоже незнакомый, такой же вихлястый: «В королевстве кривых зеркал. / Шел к тебе я под звоны стекла, / По осколкам бродил по свету...»

— Под звоны? — спрашивала мать. — Под звоны стекла? Это как? Вот, стоило только в Советском Союзе отменить цензуру и — пожалуйста!

— Какой примитив, — вздыхала Лера. — Какие жесты, какой взмах головы, какая стрельба глазами. Он хочет понравиться. Это самое страшное — хотеть понравиться. Это и есть попса — желание понравиться. То ли дело рок...

— А твой отец... — фыркала мать. — Вот уж кто хотел понравиться! Даже мне понравился! Зачем... Почему...

И так до ночи.

Лера тоже влюбилась. Тоже потеряла голову и забросила учебу.

Этот мальчик был невероятно прекрасен. Непонятно чем. Конечно, не большим носом. И не печальными глазами, безусловно. Просто — резким поворотом головы, привычкой кривить губы до появления продолговатой ямки на левой щеке, глухим голосом... Конечно, не одна Лерка была влюблена в него. На дискотеке стоило отвлечься, засмотреться, как танцуют негры, изображая какие-то непонятные действия — то ли что-то бросают в костер, то ли кого-то бьют, то ли ногами делят виноград, то ли руками раскатывают тесто... Опомнишься, посмотришь, увидишь — Андрей уже стоит рядом с какой-то девушкой. Выбежишь на улицу покурить, возвращаешься, он уже танцует с другой. А пальто на выходе подает третьей. И все они смотрели на Андрея с обожанием и с глупым выражением лица. Неужели и у Лерки возникает такой пустой взгляд, образуется такая бессмысленная улыбка?

Андрей ни с кем не встречался. И у Лерки теплилась надежда, угасая после каждого его взгляда на другую, снова вспыхивая после каждой его улыбки ей, Лерке. День за днем приходило осознание — ничего не случится. Никогда.

Почти все девчонки уже встречались с кем-то. И Люда, и новые подружки. Гуля — с Мишкой. Наташа вообще собралась замуж. Они рассказывали Лерке о цветах и подарках, о поцелуях и ссорах, о новой жизни, такой незнакомой, удивительной, увлекательной. Люда расстраивалась, что она редко видится со своим... Гуля, очень яркая девочка, шустрая, беспокойная, злилась из-за какой-то бледнокурой, прозрачноглазой, внезапно появившейся рядом с Мишкой девчонки. Наташа, девочка умная, рассудительная, ловко просчитывала всякие обстоятельства, пытаясь сложить или разложить их так, чтобы не жить со свекровью. Это была совсем другая жизнь, которую пора было бы начать и Лере. Давно пора...

Становилось все холоднее. Все чаще шел дождь. Мелкий, противный, нескончаемый. В дождь часто отключалось электричество. То электричество, которое питает трамваи. По дороге домой можно было застрять в холодном трамвае надолго. Проще было идти пешком по дождю, по грязи мимо застывших трамваев с надеждой на какой-нибудь автобус. Но автобусов обыкновенно не бывало. Трамваи стоят, вот они, вот их сколько. А автобусы как сквозь землю провалились.

— Видела объявление на подъезде? — спросила как-то мать.

— Нет.

— В ЖЭКе будут выдавать талоны на продукты.

— На какие продукты?

— Не знаю. Знаю только, что выдавать их будут по прописке. Так что тебе надо поехать к бабушке с дедушкой. Или узнать, где у них ЖЭК, самой взять талоны, или — даже еще лучше — попросить бабушку взять твои талоны. Она же себе будет брать, вот и тебе пускай возьмет.

Лерка застыла от изумления. Ей разрешилось поехать к бабушке с дедушкой! Ей даже велели, приказали поехать к ним! Она понимала: радость показывать нельзя. Иначе — разозлишь мать, та еще передумает посылать Лерку, сама поедет. Спросила, не поднимая глаз от спиц, клюющих мягкой, серый мохер, зачаток нового носка:

— Когда?

— Как можно быстрее. Смотри! Смотри! — мать указала на телевизор. — Наш. Прыгнул на пять метров девяносто пять сантиметров.

— Фу ты, я пеглю упустила. Ну и что? Да хоть на десять.

— А и правда, — согласилась мать. — Вот так подвиг... Прыгнуть выше всех... И что? И кому какая польза? Да и ему-то самому никакой пользы. Ходит, прыгает... Лучше бы дома сидел, Достоевского читал. Не понимаю я этого ажиотажа вокруг спорта. Прыгнул пять метров, получил золотую медаль. За что? Да ты прочти «Улисса»! Вот за это надо давать медаль! Или Гессе! А помнишь, как отец твой футбол смотрел. Орал. Прыгал. Прыгал почти на пять метров. А наш Гессе у него теперь? Не помнишь?

— Да.

— Зачем я вышла за него замуж? Почему я не послушалась никого?

— Что это? — желая отвлечь мать, спросила Лерка, взяв книгу с журнального столика.

— На работе дали почитать. Такая ерунда...

«Его рука была теплой, и неожиданно в ее крови загорелся огонь, — читала про себя Лера. — Глаза затуманились, волны горячей страсти прокатились по всему телу. — Глаза Лерки рухнули ниже. — Желание отдаться этому человеку было так жаростно, так дико, что у нее похолодела кровь. — Лерка проскочила еще несколько строк. — И еще этот огонь, горевший глубоко внутри нее. — Не дочитав страницу, перевернула лист. — Гордость была задета, и картина, нарисованная Феро, остудила ее кровь. — Еще переворот. — Огонь в крови, казалось, сжигал ее, а губы уже дрожали».

«Странно, — подумала Лерка. — То в жар, то в холод. Что-то нам такое по гидрологии рассказывали. Температурная аномалия называется, кажется». Вслух сказала:

— Зачем ты это читаешь?! Это нельзя читать!

— Да я и не читаю. Не могу. Три страницы прочла и бросила. Странно так — «Игру в бисер» смогла прочитать. А эту вот не могу.

На следующий день Лерка поехала к бабушке с дедушкой.

Они бесконечно обрадовались. Стали накрывать на стол. Бабушка кинулась печь блины, дед — нарезать сало. Бабушка — наливать компот, дед — чайный квас. А Лерка с жадностью слушала глуховатый, ленивый голос деда, смотрела то на морщинистые руки бабушки, то на фарфоровые статуэтки за стеклом — на девочку с мячиком, на грустного львенка, на танцующую пару... Как же она соскучилась! По всем — по бабушке, по дедушке, по грустному львенку. Почему так долго не приходила? Они переживали. Боялись: раз разошлись родители, то Лера не будет больше приходить к ним. Лерка оправдывалась. Сначала экзамены, потом колхоз, потом учеба... Про то, что ей запрещено было сюда приходить, не призналась. Почему даже не звонила? Лерка вздыхала. На новой квартире у них нет телефона. Столько новостей у них! А у Леры еще больше. Хватило на целых два часа.

Дома было тихо. Мать, сидя у телевизора, молчала. Телевизор тоже молчал. С экрана смотрел на Лерку седовласый дяденька в очках. Он обратил свои ладони от себя и мягкими движениями отгонял, отталкивал Леру. Потом вдруг стал гладить правой рукой несуществующего кота. Потом и вовсе стал прятать невидимую пряжу. Губы его беззвучно шевелились.

Вдруг он заявил:

— На этом сеанс окончен. Но не торопитесь уходить от экрана. У нас еще есть минута. И за эту минуту я хочу попытаться почистить ваши квартиры.

— А до этого он что чистил? — спросила Лерка у матери.

— Сердце, желудок и, прости Господи, кишечник, — ответила мать.

— Кто это?

— Экстрасенс. Новый какой-то. Ты знаешь, он мне гораздо больше нравится, чем тот. Этот почти все время молчит. Это все-таки утешает. Да и внешне он приятнее. Ну что? Ты была у бабушки?

— Да. Она пойдет за талонами в четверг, а я поеду к ней в понедельник. Она к этому времени уже все купит. Потому что там, оказывается, не только талоны надо получать в своем ЖЭЖе, но и продукты надо покупать в своем магазине. Я и понятия не имею, где этот магазин. А она и себе купит, и мне заодно.

— Отца видела?

— Нет.

Лерка почувствовала — если бы она ответила утвердительно, был бы скандал. Страшный скандал. А еще она вдруг догадалась — рано или поздно бабушка непременно столкнет ее с отцом. Лерка тогда и представить себе не могла, что бабушка решится на большее.

Институт, в котором училась Лерка, — это целый город. Пять корпусов, восемь общежитий, столовая, спорткомплекс, стадион, фонтан, аллеи, скамейки. Город густонаселенный, шумный. Речь на английском, испанском, французском, арабском...

Необъятная, неприветливая Любовь Григорьевна басила:

— Также Фрейд предложил одно из ключевых понятий в психоаналитической теории — «эдипов комплекс», бессознательное или сознательное эротическое влечение ребенка к родителю противоположного пола.

— Одуреть, — шептала Лера.

— Он утверждал, что в эдиповом комплексе совпадает начало религии, нравственности и искусства, — продолжала Любовь Григорьевна.

— Да ладно! — Лерка затыкала уши, погружаясь в долгожданную тишину.

— Слыхала? — Людмила толкала ее в бок. — Вся эта фигня признана ненаучной!

— Да?! — радовалась Лерка. И тут же опечаливалась: — А зачем же мы учим эту ненаучную фигню?

Людмила не знала.

Добродушный Вик Вик доставал из шкафа трехлитровую банку с погруженными в формалин аскаридами и мягким голосом говорил:

— Берем ванночки, наполняем их водой, берем пинцет, кладем аскариду в воду. Вскрываем аскариду только под водой, иначе брызнете чем-нибудь куда-нибудь. Прикрепляем концы аскариды, оба конца, к ванночке.

— Это глисты? — с любопытством спросил кто-то с задних парт.

— Да, — мягко ответил Вик Вик, — это глисты. Берем препаровальную иглу, делаем продольный разрез. Режем, режем!

Лерка, даже не спросив разрешения, вылетела в коридор, побежала в туалет. Ее мучительно мутило.

Два мальчишка оказывали Лере знаки внимания — Игорь и Влад. С Игорем было веселее. С Владом — интереснее. И ни с кем из них не трепетало Леркино сердце. И никак не могла она сделать выбор.

Игорь был двумя курсами старше. Жил в общеаге, в одной комнате с тремя Леркиными однокурсниками. С ее приходом раньше всех вскакивал, помогал снять куртку, при этом норовил как-нибудь попоказничать — то привяжет курку за завязку к кровати, чтобы Лерка не уходила, то потихоньку подбросит в карман записку, а в записке: «Помни обо мне». Пел Лере визборовское: «Милая моя, солнышко лесное. Фу, нет, не так. Лерочка моя, солнышко лесное», — или Чайковского: «Я люблю Вас. Я люблю Вас, Ольга. Фу, нет, не так. Я люблю Вас. Я люблю



Вас, Лера». Он рассыпался в комплиментах и окружал Лерку чрезмерным вниманием. И стул, и сигарета, и помощь в решении задач по высшей математике...

Влад был местным, часто приглашал Леру в гости, иногда она приходила на чай, очень вкусный чай, особенный, как выпытала Лера у мамы Влада, заваренный с двумя листьями смородины и одним листом малины. Влад всегда давал что-нибудь почитать — огромный «Словарь античности», свежий номер «Нового мира», потрепанный старый выпуск «Иностранной литературы» с Сэлинджером... Он так увлекательно рассказывал обычные мальчишеские истории — как погиб Амундсен, что творится в Бермудском треугольнике, как правильно делать хакири...

Подружки тоже не могли прийти к общему решению.

— Игорь лучше — тараторила Гуля. — Он такой веселый, прикольный, настоящий, естественный. Не то что этот — рафинированный, слащавый.

— Да, — соглашалась Наташа. — К тому же Игорь так классно поет! А Влад вообще петь не умеет. Помнишь, Лер, он нам пел свою любимую «Нирвану»? Ну как — пел... Говорил...

— Да, но Игорь матерится, — спорила Людмила.

— Да, — вздыхала Лерка, — лучше плохо петь, чем хорошо материться.

Ее никто не слушал.

— Ну, не знаю... — возмущалась Гуля. — Мне Игорь больше нравится. С ним интереснее.

— Не-не-не! — протестовала Люда. — С Владом гораздо интереснее. Лерке интереснее, я имею в виду. Она же любит всякие там истории, умности, культурности... Потом он стихи ей читает. Наизусть!

— Лера! — требовала Гуля. — Закрой глаза! Представь, вы ложитесь спать... Игоря представь! Выключаете свет... И он тебе тихо-тихо, красиво-красиво поет...

— Он и детей хорошо будет укачивать, — неожиданно меняла свою позицию Людмила.

— Каких детей? — удивлялась Лерка. — Моих? Девчонки, вы чего? Сейчас вообще не об этом!

Наташа тоже неожиданно меняла фаворита:

— Интересно, где он будет их укачивать? В общежитии? У Леркиной мамы? Он же голый перекатная! А у Влада есть квартира. Почти своя! Почти его!

— Лерке тоже папа купит квартиру, он богатый, — сообщила Людмила. — Не переживайте, Лерка у нас «упакованная».

— Купит, — фыркала Наташа. — Вот родится в той семье ребенок. И все! Все для этого ребенка будет.

— Что?! Там будет ребенок?! — восклицала Людмила.

Лерка отрицательно мотала головой.

— Будет, будет, — убеждала Наташа. — Жена на двадцать лет моложе отца. Рано или поздно там будет ребенок.

— У Леркиного отца много денег. На всех хватит, — спорила Людмила.

— Да? — ехидно спрашивала Наташа. — А эта жена прям так тебе и согласится потратить на Лерку огромные деньги? Да она лучше себе десять шуб купит, пять машин, домработницу наймет, поедет в отпуск за границу...

— Они уже были за границей, в Югославии, — голос Людмилы заметно терял уверенность.

Зато голос Наташи креп:

— Еще раз поедут! И, конечно, не с Леркой! С новым ребенком!

Подружки запутывались в своих предпочтениях и спрашивали у Лерки:

— Тебе-то кто нравится больше?

— Не знаю...

Наступила зима. Но в этом городе зима почти ничем не отличалась от осени. Только чуть холоднее становилось и ветренее. А так — все то же самое: мелкий дождь, грязь, серость.

Вместе с правом видаться с бабушкой и дедушкой Лерка получила еще больше упреков. Почему-то вспомнилось, что отца она всегда любила больше. Выяснилось, что с той родней всегда была ближе. Оказалось, она вздыхает, как отец. Слушать невозможно!

Лерка боялась признаться матери, что видится с отцом. Встречается с ним у бабушки с дедушкой, заезжает к нему на работу или ждет его у института, чтобы кататься с ним по городу на его новой машине... Лерка не могла признаться. Она боялась, что будет еще большая волна неприязни, будет цунами. А у Леры не было сил выдержать это большее.

И Лерка начала врать. Почему задержалась у бабушки? Убиралась там. Бабушка ведь ходит по магазинам, покупает Лерке сахар, макароны и все такое. Значит, тоже надо чем-то помочь. Куда это она в воскресный день? К Людмиле, химия как не давалась бедной девчонке, так и не дается...

К Людмиле Лерка приезжала все реже и реже. Оттого дом их казался все светлее. Пожалуй, только там Лера была счастлива. Смеялась с дядей Сашей, грелась от тети-Галиной улыбки, поела пирожки, держа на коленях маленькое светловолосое чудо.

Зато они с Людой стали чаще гулять по городу вдвоем. То им книги захочется купить, то аудиокассеты, то посидеть в кафе, мороженое поесть.

— Какой у нас некрасивый город! — заявила как-то Люда.

— Некрасивый?! — удивилась Лерка.

— Конечно. Серый, грязный, обшарпанный.

— Ты что! У нас очень красивый город! Смотри, какие красивые домики! Да, грязные. Да, облупились. Но они такие красивые! Ты путаешь. Чистый и красивый — это не одно и то же.

— Когда грязно, то некрасиво.

— Да нет же! — убеждала Лерка. — Вот закрой глаза. Да не здесь. Дорогу перейдем... Закрой глаза. Представь. Я лежу в больнице. Ты приходишь меня навестить. Рядом со мной лежит... тоже больная... какая-нибудь красивая актриса. Например... Одри Хепберн! Она болеет, мечется в постели, волосы спутались, конечно, никакой прически, никакого макияжа... ногти не накрашены... Она заплакана, под глазами круги, мешки, морщины. Она не мылась неделю. В больницах же нет ванны, я знаю. И тут к ней... ее навестить... приходит... Какая-нибудь... А! Вот! Придумала! Ее приходит навестить наша гардеробщица из четвертого корпуса. А гардеробщица накрашена, на каблуках, в красивом платье, улыбается... И она только что из душа, и духами благоухает. Ну и кто из них красивее? Одри Хепберн или гардеробщица?

Временами выпадал снег. Ночами. Но держался он только до обеда. Потом превращался в грязь, липкую, надоевшую...

— Мама! — взмолилась однажды Лера. — Скоро экзамены. Можно Люда к нам переедет на это время? Пожалуйста! Мы ведь так хорошо сдали вступительные потому, что вместе учили. Вместе лучше. Одна читает, другая слушает, потом наоборот. Получается, что запоминаешь на слух и запоминаешь глазами. Два раза запоминаешь. А у Людмилы не поучишь сейчас. Ребенок все время плачет. Даже по ночам.

— Конечно, можно, — согласилась мать.

Это была огромная радость. Лера понимала: с приездом Людмилы прекратятся скандалы.

На экране телевизора странно одетый парень ужасно неприятным голосом пел: «Рыжая девчонка, длинные ресницы!

Подари кусочек солнца и глоток мечты».

— Кто это слушает?! Скажи мне, кто это слушает?! — недоумевала мать. —

Каким дураком надо быть, чтобы это слушать?!

— Кто так танцует?! — злилась Лерка. — Ну, кто так танцует?!

Парень продолжал:

«С тобой светло и темной ночью,

И самым светлым днем».

— Интересно, — спрашивала мать, — а без нее днем темно, что ли?

— Это у него стыд в глазах. Темный-темный стыд. Стыдно ведь такую чушь петь.

Людмила приехала с огромной сумкой.

— Что тут у тебя? — хлопотала Лерка. — Лекции по ботанике! Лекции по неорганике! Зубная щетка! Философия! О! У тебя новый халат? Зоология!

— Сегодня заниматься не будем, — заявила Люда. — Сегодня праздник!

— Какой?

— Мой переезд! Что у вас тут вкусенького? — Люда открыла холодильник.

— Картошка с мясом, икра... Есть яйца. Можно яичницу сделать. Сгущенка, вишневое варенье...

— Ух ты! У вас бутылка водки! Открытая уже. И отпитая.

— Водка? А, да. Это мама болела в сентябре, делала компрессы. Вот осталось...

— Давай попробуем!

— Нет! Ты что!

— Ну Лерочка! Сегодня ведь праздник! И потом — я ни разу не пробовала водку. Чуть-чуть!

— Нет, говорю! Мама заметит!

— А мы запомним, на каком уровне была водка в бутылке, дольем потом воды до этого уровня. Твоя мама эту водку ведь пить не будет. На компрессы потратит или выльет когда-нибудь. А если уж и решит выпить... Я правда не знаю, что должно случиться, чтобы твоя мама выпила... Но если... Она все равно в водке не разбирается. Она не поймет ничего.

— Но от нас же будет пахнуть!

— Выветрится. Во сколько тетя Валя приходит домой?

— В шесть.

— У-у-у-у! Сто раз выветрится!

Наступил очередной день поездки к бабушке с дедушкой за продуктами. Лера поехала вместе с Людмилой.

— Макароны, гречка, сигареты, — загружала бабушка Леркину сумку, — чай, спички. Знаешь, а сахар и водку тебе купила папина жена. Они у нее. Ты сходи за ними. Здесь недалеко. Папа-то сейчас на работе еще. А она точно дома. А то я приболела. И дед приболел. А вы молодые, шустрые. Сбегайте!

Девочки долго сидели на скамейке у подъезда.

— Не ходи, — убеждала Людмила. — Ты же не хочешь туда идти. Вот и не ходи.

— А что я матери скажу? Где водка? Где сахар?

— Объяснишь ей все. Зачем вам вообще водка?

— Мама кого-то угощает, кого-то благодарит. Водка всем нужна. Пьющим-то людям одной бутылки в месяц не хватает. Сама посуды. А ведь бабушка нарочно так сделала. Скорее всего, она даже сама купила продукты, а водку и сахар отнесла туда. Специально, чтобы я туда пошла.

— Не ходи. Не надо. Расскажи все матери. Пусть мать туда идет.

— Нет. Тогда она меня больше не пустит к бабушке с дедушкой. Велит самой ходить за талонами и за продуктами. Или опять скандал будет.

— Лера! — крикнула бабушка с балкона. — Ее зовут Ольга!

— Очень приятно, — буркнула Лерка.

С тех пор Лера забирала часть продуктов у бабушки, часть — у Ольги. С тех пор Лерка стала врать матери гораздо больше.

Людмила уехала в день последнего экзамена, забрав все лекции, все вещи, весь покой...

Игорь уехал на каникулы домой, в другой город.

Влад остался в своей квартире, пропахшей смородиновыми и малиновыми листьями, с новыми книгами и кассетами, с новыми историями — о «Титанике» и воздушной археологии. Туда приезжала Лерка каждый вечер. Там случился их первый с Владом поцелуй.

На следующее утро она приехала к Людмиле.

— Мы целовались! — громко выпалила Лерка с порога открывшей ей дверь Людмиле.

— С кем? — спросила тетя Галя, выйдя в коридор.

— До свадьбы?! — крикнула бабушка Люды из кухни.

— Ты превратилась в принцессу? — высунул голову из комнаты в дверной проем дядя Саша.

— Ой, — Лерка прикрыла рот ладонью. — А вы тут все? А вы пирожки печете? — В людмилкиной комнате прошептала: — Как неловко получилось! Стыдно как! Они думали, я порядочная девочка. Чего я так вопила? Фу ты!

— Ты с кем целовалась-то?

— С Владом.

— А... Ну, с Владом так с Владом.

Каникулы пролетели быстро. Всего-то две прогулки по городу, три похода в кино, один выход в кафе и тридцать шесть поцелуев. Лерка давно заметила: с Владом время проходит незаметно.

Импозантный, высокомерный Борис Леонидович рассказывал:

— К следующему занятию начертите профиль. Карандашом! Определите максимальную и минимальную высоту по линии профиля. А потом горизонтальный и вертикальный масштаб. А потом постройте оси координат...

— Я не начерчу! — стонала Лерка.

— Не переживай, — успокаивала ее Людмила. — Знаешь, что про него старшекурсницы рассказывают? Девчонкам он ставит зачеты просто так. За красоту. А еще он ценит чувство юмора. Знаешь, какая про него легенда ходит? Пришел к нему студент с чертежом. Чертеж трубочкой свернут. А Борису Леонидычу некогда было. Он, не разворачивая чертеж, глянул в отверстие, и говорит студенту: «Неправильно». Ну, чтобы отвязаться побыстрее. А студент не растерялся, забрал трубочку, кинул внутрь карандаш и ластик, прикрыл оба отверстия ладонями, потряс, отдал назад Леонидычу и спросил: «А теперь правильно?» И получил зачет!

— Здорово! Жалко только, что у меня ни красоты, ни чувства юмора.

— Да... Жалко...

Сухая, бесцветная Елизавета Аркадьевна монотонно читала:

— Понятие «враг народа» возникло в Древнем Риме, использовалось во время Французской революции. Во времена сталинских репрессий этим термином обозначали контрреволюционеров, шпионов, диверсантов, вредителей...

Дома после отъезда Людмила все стало по-прежнему. Лерка мать не ценит и никогда не ценила. А должна ей ноги мыть и воду пить. Ведь мать столько для нее сделала. Может, Лерка и не дочь ей вовсе. Перепутали в роддоме. Но нет! Не перепутали! Она ведь так похожа на отца! Смотреть невозможно!

«Но давно по травостую,  
По степи мечты моей  
Все гоню я к водопою  
Серых в яблоках коней», — пел в телевизоре очередной непоседливый, прыгучий мальчик.

— По степи мечты моей... — медленно повторяла мать. — По травостую... по степи мечты моей... Я не понимаю... Как это? По степи мечты... Мне не дано.

«Вот это и есть вредители, — думала Лерка. — Пройдет лет сто, и историки дадут им какое-нибудь такое название... Что-то типа “враги народа”. Потому что нести народу такую бессмысленность, такое безвкусие — это преступление. Потому что делать народ тупым — это злодейство какое-то. За это в тюрьму сажать надо, наверное».

Спокойствие в доме наступало только с приходом гостей. Приехал как-то мамин двоюродный брат, балагуристый, веселый. Мать на целый вечер повеселела, подобрела. Накрыла на стол. И спохватилась:

— Ой, Витя! У меня же водка есть! Будешь?

— Конечно, буду.

У Лерки упало сердце. Уж кто-кто, а Витя поймет, что водка разбавлена. Она сидела ни жива ни мертва.

Мать поставила бутылку на стол:

— Только она у нас с сентября открытая стоит. Выдохлась, наверное.

— Конечно, выдохлась, — опечалился Витя.

У Лерки отлегло.

— Что? Не будешь? — расстроилась мать.

— Буду, конечно! Ну, ваше здоровье, девчужки, — Витя опрокинул стопку и бодро сказал: — Не, Валя, не выдохлась. Хорошая водка. Наливай еще!

А на следующий день снова... Зачем она вышла замуж? Не надо было... И Лерку зачем рожала? Если бы знать, что Лерка будет так похожа на своего отца... Смотреть невозможно! Не рожала бы!

Каждую ночь Лерке снился один и тот же сон. Будто идет она по дороге, а потом отрывается от земли, отлетает. Но не парит, не облетает город, а стремительно уходит вверх. Город становится все меньше и меньше. Потом Земля превращается в точку. Лерка страшно боится потерять ее из виду, напрягает зрение, напрягает до слез, всматриваясь в эту точку. Но не может вернуться. Не может полететь вниз. Не хватает сил одолеть поток воздуха, поднимающий ее...

Тихая, элегантная Таисья Кирилловна, устремив взгляд в потолок, объясняла:

— Первая помощь при ожогах, отравлениях и других несчастных случаях при работе в химической лаборатории. При термических ожогах... При ожогах бромом... При ожогах фенолом... При ожогах концентрированными растворами кислот... При ожогах концентрированными растворами щелочей... При случайном попадании реактивов внутрь... При любом поражении кожи, глаз или дыхательных путей следует немедленно поставить в известность преподавателя и отправить пострадавшего в больницу. В случае воспламенения горючей жидкости... В случае воспламенения одежды... И отправить пострадавшего в больницу.

— Мне страшно, — жаловалась Лерка дремлющей рядом Людмиле.

— А в больнице сейчас тихий час, — зевая, утешала подруга.

Пожилой, тучный Владимир Ильич бегал по кромке бассейна, кричал:

— Ты! В оранжевой шапочке! Неправильно! Сначала рука сгибается, потом толчок плечом, а потом гребок и руку вниз, вниз! Эй ты! Там! На третьей дорожке! В белой шапочке! Удары ногами сильнее, чаще!

— Фу! — задыхалась Лерка. — У меня вода в носу, во рту, в ушах!

— Ладно тебе! — отмахивалась Людмила. — Это же не концентрированные растворы кислот. Не концентрированные растворы щелочей.

Теперь Лерка после уроков не бежала в общежитие. Боялась встретиться с Игорем. Чувствовала себя виноватой перед ним.

Все чаще и чаще она приходила к бабушке с бабушкой — повидать их, послушать их голоса, посмотреть альбомы с фотографиями, поесть блины...

Раз в месяц приходилось заходить к отцу. Какие-нибудь талоны на продукты то и дело обязательно отоваривала Ольга. Лера с трудом заставляла себя идти туда, подниматься на третий этаж, звонить, улыбаться этой неприятной, несимпатичной, взлохмаченной, плохо помытой девушке.

— Давай чай попьем? — щебетала Ольга. — Давай видик посмотрим?

Этот дом всегда был неуютен, грязен, завален всяким барахлом. Влад, побывав там однажды с Леркой, сказал, выждав из вежливости часик-другой:

— Художники-шизофреники не оставляют чистого места на холсте. Именно так и ставят диагноз «шизофрения» художникам.

— Какой из нее художник, — огрызнулась Лерка. — Она даже краситься не умеет.

— Ну почему же, — не согласился Влад. — Боевая раскраска индейцев. Черное вокруг глаз — воин готов нападать. Белое лицо — траур. А красным индейцы помечали места ранений. В обе щеки ее ранили, видимо...

Лера ненавидела Ольгу. Видеть ее не могла. Испытывала к ней какую-то животную злость, неодолимую. Когда она заискивающе улыбалась Лерке, когда она противно щебетала... Но более всего, когда она брала у Лерки деньги за продукты. Лерка была уверена: отец должен кормить своего ребенка. Тем более что у него большие деньги, а они с матерью каждую копейку считают. Тем более, сама Ольга не работала. Ведь это всего лишь маленькая порция: килограмм сахара и две пачки масла... Или бутылка водки и килограмм гречки... Это было нечестно, мелко. Это бесило.

Отец — видимо, почувствовав что-то — стал давать Лерке деньги. То двадцать пять рублей, то пятьдесят. Потихоньку от Ольги. Когда Лера приехала к бабушке поздравить ее с Восьмым марта, бабушка достала с антресоли большую коробку, сказала, улыбаясь: «Это тебе от папы на Восьмое марта. Магнитофон. Импортный. Только Ольге не говори. Она не должна ничего знать. Ни в коем разе! И деду не говори на всякий случай! И никому!»

Лерка сидела на скамейке возле своего дома и горько плакала. Что она — ублюдок, что ли? Зачем такая тайна? Разве родной отец не может сделать родной дочери подарок на праздник? Почему он Ольге, оказывается, подарил серьги с бриллиантами, а ей, единственной дочери, как будто бы ничего?

И еще... Как она объяснит появление магнитофона маме? Наличие денег Лера объясняла легко — дедушка дал, что наполовину было правдой, дед иногда подкидывал ей деньги. А магнитофон? Дед, наверное, никогда в жизни и не видел магнитофона. Как он может сделать такой подарок?

Когда у Лерки невыносимо разболелась голова, она все-таки пошла домой. Мать, открыв дверь, увидев зареванную Лерку, испугалась:

— Что случилось?!

— Бабушка дала, — Лерка поставила коробку с магнитофоном на тумбочку. — Подарок отца на Восьмое марта.

Мать ничего не сказала. Подошла к Лерке чуть позже и коротко, сухо погладила ее по голове.

Еще большее потрясение Лерка испытала, когда через несколько дней зашла к Ольге за очередной порцией продуктов. Папа (редкий случай) оказался дома. Протянул пакет, лучезарно улыбаясь:

— Это тебе от нас с Олей. Подарок на Восьмое марта.

Лерка заглянула в пакет. Старый папин спортивный костюм.

— Помнишь мой костюм? Он мне маловат стал...

Так и повелось: официальный подарок — шоколадка, неофициальный — стереонаушники; официально — блокнот, неофициально — кольцо с бирюзой...

— Магнитофон! — восхищалась Гуля — Двухкассетник!

— Как такое может быть? — возмущалась Людмила. — Ты же родная дочь! Почему ты ничего им не сказала? Вот так бы открыла пакет, сунула бы туда нос, потом бы вынырнула, вытаращила бы глаза и сказала: «А я думала, там серьги с бриллиантами».

— Я растерялась, — пожалала плечами Лерка. — Они стоят, улыбаются. Она сверкает бриллиантами. Я держу старый спортивный костюм. Я просто опешила. Потеряла дар речи. По-моему, я даже спасибо не сказала.

— А я вам говорила, — напонила Наташа.

— Я чувствую себя ублюдкой, — вздохнула Лерка.

Молодой, симпатичный Сергей Анатольевич рисовал на доске:

— Показатель преломления — важная оптическая характеристика прозрачных сред. Она определяет работу хрусталика глаза. Луч падает и отражается, падает и отражается. — На доске появились лучи, чертилось что-то наподобие половинки солнца без диска.

— Если сейчас заглянуть в мои глаза, в них отразится столько обиды! — захныкала Лера.

— А это у нас с вами угол полного внутреннего отражения. — Сергей Анатольевич начал чертить маленький диск вокруг точки схождения лучей.

— Смотри, — обрадовалась Люда, — похоже на облетевший одуванчик!

Пожилой, невзрачный Иван Иванович жалобно просил:

— Давайте рассмотрим, что такое власть вообще. Власть присуща любой общности людей... Это как бы для упорядочения отношений, для того, чтобы работоспособное состояние... Вот. И там один субъект как бы властвующий, а другой... он, наоборот, подвластный. И эти два процесса, они, так сказать, осознанные. То есть, скажем так, там... это... проявление власти и подчинение власти.

Людмила переставала писать, шептала Лерке:

— Где у него подлежащие, где у него сказуемые? Я ничего не понимаю.

— У власти может быть физическая сила, — мямлил Иван Иванович. — А еще это также бывает, ну, сила интеллекта... Или может случиться также и это... знаете... сила авторитета... В истории по-всякому, по-разному случалось... Ага. А подчинение — оно ведь в природе человека... Правильно, да? Человек-то с одной стороны стремится к свободе, а с другой стороны, понимаете, да? Мы с вами не можем существовать вне социальной среды. Не можем и все. И мы, как ни крути, готовы к подчинению. Власть... э-э-э... оказывает воздействие на других и, конечно, как мы с вами понимаем, ну, э-э-э... использует разные методы. Какие это методы? Кто скажет? Ну?

— Какие методы? — приставала Людмила. — Подумай! Он смотрит в нашу сторону. Сейчас нас спросит. Что отвечать-то?

— Не знаю, — пожимала плечами Лерка. — Вот мать как рывкнула: «К отцу

ни ногой!» И все! Какой это метод? Насилие? Правильно, да? Или это вот, как это, как бы принуждение, понимаешь? Ага, в принципе, скажем так — угроза.

— Ты что?! — шипела Люда. — Заразилась от Ивана Ивановича дурацкими словами?! Я больше не смогу с тобой дружить!

Дома стало спокойнее. Мать отчего-то перестала замечать Лерку, стала тише греметь посудой, начала петь. Каждый вечер она пела «Ямщик, не гони лошадей» и «Это было давно, лет семнадцать назад». И опять «Ямщик...» и «Это было давно...» Только эти две песни. Друг за другом. Без пауз. Это, конечно, были так себе концерты. Но Лерка была почти счастлива.

Она даже решила пригласить в гости Влада.

Коробка конфет, три гладиолуса, глубокие познания в кинематографе и прекрасные манеры полностью очаровали мать. Она развеселилась, разминдальничалась, разоткровенничалась... Разоткровенничалась до того, что объяснила Владу, что не надо было ей выходить замуж за Леркиного отца. Что все, абсолютно все были против этого брака. Что у нее было много поклонников. А Леркин отец... Сколько нервов он потрепал! Каким невыносимым он был! Как же похожа Лерка на него... Копия! И волосы жидкие, и ногти ломкие, и ноги короткие, потому что коленки низко расположены... На нее просто смотреть невозможно! И грудь у Лерки маленькая. Это в ту бабушку, по отцу.

Лерка, конечно, уже знала, что Влад состоит только из достоинств и талантов. Но все равно была потрясена, как он вышел из неловкой ситуации. Он вдруг заговорил об актерских династиях. О том, кто из детей-актеров похож на своих родителей-актеров. А потом о тех, кто не похож. Разговор вернулся к кинематографу... Высший пилотаж! Наверное, он идеал мужчины! Лерка почувствовала бесконечную благодарность... Не любовь, опять не любовь...

После того, как Влад ушел, мать как ни в чем не бывало затянула «Ямщик, не гони лошадей».

Весна пришла рано. Девчонки преобразились. Наташа пришла в институт с новым длинным, ярко-малиновым шарфом, Люда сделала завивку, Гулька...

На Гульке не было лица. Только сжатые губы и злые глаза. Дыхание у нее прерывалось, мысли путались.

— Мишка... Мой Мишка... К этой бледноглазой, бесцветноглазой, невыразительноглазой... Да, он ушел к ней. Да. Мой Мишка ушел к этой облезлой мочалке. Так и сказал, мол, ухожу к ней, я ее люблю, жить без нее не могу, и она меня тоже любит, а мне так интересно как будто, любит она его или не любит, прости, ты, конечно, такая красивая, замечательная, у тебя все будет хорошо. Конечно, у меня все будет хорошо. Конечно!

— Конечно! — подтвердили все: и Лера, и Люда, и Наташа.

— Мне нужен парень! Срочно! — потребовала Гулька.

— Найдем! — пообещала Наташа.

— Не могу же я ходить по институту одна, не могу же я одна явиться на дискотеку. Они там вдвоем будут танцевать, а я...

— Конечно! — подтвердили все: и Лера, и Люда, и Наташа.

Репертуар матери пополнился двумя старинными русскими романсами и одной песней военных лет. Гардероб матери пополнился двумя платьями и пальто. Одним воскресным утром, вертясь перед зеркалом в новом платье, она заявила Лерке:

— Я только сейчас поняла, после сорока жизнь только начинается!

— Да?! — искренне изумилась Лерка.

— Вернусь поздно.



Лерка решила ходить в институт пешком. Во-первых, ей надоело скучать вечно застревающих на полпути трамваях, во-вторых, только так можно было попасть в институт без опоздания, да и для здоровья, говорят, полезно.

У Наташи был гордый вид.

— Есть! — доложила она.

— Что есть? — спросила Гулька.

— Не что, а кто! Парень тебе есть. Денис. Красивый и умный. Невысокий, правда, но тебе пойдет.

— Ура! — обрадовались Лера с Людмилой.

— Что значит «тебе пойдет»? — обиделась Гулька.

— Он выше тебя. Невысокий, но выше тебя, — объяснила Наташа.

— А. Ладно, — согласилась Гулька.

— Шум — это совокупность периодических и аperiodических звуков различной интенсивности и частоты, — грустно глядя в окно, говорил Александр Николаевич. — Шумы негативно воздействуют на организм. Экология изучает шум, как стрессовый фактор.

— Знаешь, — призналась Лера Людмиле, — я ненавижу песню «Ямщик, не гони лошадей»...

— Ты что?! — возмутилась та. — Такая красивая песня!

— Да? А если по пятьсот раз в день?!

— Биологические последствия действия шума, — продолжал Александр Николаевич, — могут доходить до морфологических выраженных разрушительных процессов в разных органах...

— Вот! — торжествовала Лерка. — Слышала? Я скоро вся разрушусь от этой песни... Мне так плохо! Так тяжело!

Вскоре Лерке стало еще тяжелее.

В их доме появился Валерий Петрович. Тихий, мягкий, склизкий какой-то, противный до невыносимости. Мать уводила его в зал, закрывала дверь. И они там, в зале, шептались, хихикали. Однажды дверь в зал, впустив Валерия Петровича в лоснящемся коричневом костюме, закрылась, а через пять минут открылась и выпустила его же, но уже в синем трико и пожеванной, полинявшей футболке. Диван, стоящий в глубине зала, был разложен и застелен на двоих.

Всю ночь Лерка не спала, то прислушиваясь к возне за стеной, то пряча голову от странных, грязных звуков под подушку...

Утром Валерий Петрович вышмыгнул из зала, проскользнул на кухню и уселся за стол. Мать выплыла, гордо запрокинув голову, с довольной, торжествующей улыбкой. Неумеренно покачивая бедрами и неестественно размахивая руками, она принялась плавать по кухне, накрывая на стол, пихая свою глупую улыбку Лерке в лицо при каждом удобном случае.

Лерка кое-как затолкала в себя бутерброд с маслом и влила несколько глотков чая. Ее затощило.

Какое счастье, что она по субботам учится!

— Слишком маленький, — известила Гулька. — Не пойдет.

— Но он же выше тебя? — возмутилась Наташа.

— Да. Но мне нужен еще выше. Примерно как Мишка.

— Да ну тебя, — обиделась Наташа.

— У меня есть! — вмешалась в разговор Людмила. — Высокий, симпатичный, учится на врача, будет хирургом.

— Хирургом?! Ух ты! Давай! — обрадовалась Гулька.

Самый страшный преподаватель института Алевтина Ивановна зычным голосом, словно гудела в проржавевшую трубу, вещала:

— Сегодня мы посмотрим, как влияет температура на ферментативную активность. Перед вами стаканы. Туда надо набрать слюну.

— А как? — спросила Людмила.

— Плевать, плевать и набрать, — протрубила Алевтина Ивановна.

— А много? — спросила Наташа.

— Десять миллилитров точно по риску. Плюем. Плюем. Наплевали?

— Я не могу, — заныла Лерка. — Меня тошнит...

— Отвернись, — приказала Людмила, — я сама тебе наплюю.

— Спасибо, ты настоящий друг, — прошептала Лерка.

— Наплевали? — снова загудела Алевтина Ивановна. — Теперь разбавляем слюну дистиллированной водой в пять раз. То есть до пятидесяти миллилитров. Разбавили?

— Не смотри, — скомандовала Людмила, — я сама разбавлю.

— Берем пипетки, вносим по десять капель слюны в три пробирки. Первую пробирку помещаем вот сюда, в кипящую водяную баню, вторую — вон туда, в баню с температурой сорок градусов, третью — в баню со льдом, вон она, рядом с термостатом.

— Можно выйти? — с трудом подняла руку Лера.

Домой Лерке идти не хотелось. Чаще всего она возвращалась домой ближе к ночи. Возвращалась потому, что ночью ей больше некуда было идти.

Валерий Петрович обживался. Сначала появился одеколон, потом бритва, позже грязные носки в корзине для грязного белья. Они лежали прямо на Леркиной пижаме... Черные носки на розовой пижаме... Грязные, черные носки, только что, совсем недавно, снятые с пропотевших ног чужого дядьки... Это было невыносимо. Нестерпимо было касаться любых вещей: дверной ручки, рожка для обуви, расчески... Их касался чужой, ненавистный человек... Невозможно было есть. Стоило только предположить, что именно эта вилка, вилка, которая сейчас в руках у Лерки, в прошлый раз ныряла в слюнявый, противный рот чужого дядьки, подкатывала тошнота. Нельзя было сесть на диван, в кресло, на стул, там еще совсем недавно пребывала задница чужого мужика... Неприятна была неизгладимая торжествующая улыбка матери, ее победоносный взгляд, ее вкрадчивый, сладкий, приторный голос.

«Почему она не орет? — думала Лерка. — Зачем я вышла замуж? Лерка так похожа на отца! У меня было столько поклонников! Поорала бы. Может, он сбежал бы отсюда...»

— Лерочка, — пропела мать, стоя на табуретке, перебирая книги на верхних полках.

«Батюшки, Лерочка. Это я, что ли?» — подумала Лерка.

— А где у нас Маяковский? Ты взяла? Валерий Петрович хотел почитать.

«Батюшки, может, почитает сейчас это... как там у Маяковского: “Не надо этого, дорогая, хорошая, дай простимся сейчас...” Может, простится и уйдет отсюда?»

Лерка принесла из своей комнаты первый том, издавека, от самой двери, швырнула его на диван. Не попала в Валерия Петровича, промахнулась самую малость.

«Жалко».

— Аккуратнее, Лерочка, — мурлыкнула мать. — А второй том?

Лерка принесла второй том, швырнула его с еще большей силой, попала в Валерия Петровича, но как-то слабо, на излете уже.

«Жалко».

— Лерочка, ну хватит баловаться, — ворковала мать. И после того, как Лерка хлопнула дверью, понизив голос, добавила: — Никак не привыкнет она к тебе. Ей тяжело, понимаешь...

«Батюшки! Мы понимаем, что тут кому-то тяжело... Заметили. Надо же...»

Зацвели деревья, стало солнечнее, высохла грязь. По дороге в институт Лерка тихо-тихо пела песенки.

— Носат, волосат, туповат, — доложила Гулька.

— Туповат?! — вскрикнула Людмила. — Вовка?! Будущий хирург?! Ты что?! Он просто стеснялся! Он просто не раскрылся!

— Ну, знаешь... Мне некогда его вскрывать! Того и гляди дискотека случится...

— Ну, знаешь... — Людмила даже задохнулась, поперхнулась оставшимися словами.

— Лера! Твоя очередь меня с кем-нибудь знакомить! — приказала Гулька.

— Не-е-е-е-ет! — отмахнулась Лерка. Но потом, немного подумав, добавила: — Если только с Валерием Петровичем.

Гулька обиделась.

— Он высокий, как ты любишь, — продолжала Лера. — Умный. Маяковского читает. Может быть, в первый раз. Но читает же. И не стеснительный совсем. Даже наоборот — наглый. Кажется, симпатичный. Эдакий миловидный глист.

— Отстань, — огрызнулась Гулька.

Маленькая, кругленькая Вера Витальевна скользила кончиком указки по выцветшему плакату:

— Посмотрите, как многощетинковый червь Морской пескожил зарывается в грунт. Роет норку, забирается в нее, оставляет на поверхности грунта только задний кончик.

— Зарыться бы сейчас, — мечтала Лерка. — Навсегда.

— Поехали ко мне! С ночевкой! — предложила Людмила.

— Нет. Давай на следующей неделе. На этой я не смогу. Сегодня я должна убрать в квартире, завтра я встречаюсь с Владом, еще с папой надо бы встретиться...

Гулька ткнула Леру в спину:

— Попроси Влада, пусть познакомит меня с каким-нибудь своим другом!

— А я не знаю его друзей, — ответила Лера.

— Ничего, — сказала Гулька. — Я полагаюсь на вкус Влада.

— Да?! — удивились все. И Наташа, и Люда, и Лера.

— И не боишься, что он будет маловат? — съязвила Наташа.

— И туповат? — добавила Людмила.

— Боюсь, — призналась Гуля.

— Я поеду к тебе в следующую среду, хорошо? — спросила Лера у Людмилы.

— Хорошо. Поедим пирожков, а потом позанимаемся, перепишешь все мои лекции, все мои практики. У тебя столько «хвостов»... Я переживаю, выйдешь ли ты на сессию...

Деревья цвели, солнце сияло. По дороге домой Лерка тихо-тихо пела песенки. Чтобы не расплакаться.

В квартире стало трудно убираться. Чистить ванну, в которую погружался чужой, чистить раковину, куда он сплевывал после того, как почистит зубы, унитаз, куда... От чувства гадливости Лерка разрыдалась.

В прихожей из-за тумбочки торчала какая-то бумага. Лерка вытащила ее, прочла:

«...Ветров Валерий Петрович... 31.03.1946... был осужден в 1978 г. по ст. 89 УК РСФСР...»

Лерка села на пол, ей показалось, что она сейчас упадет в обморок.

«Знает ли мать об этом? Может, знает. Зачем он принес эту бумажку в наш дом? Может, они в ЗАГС собрались? — Леркины мысли путались. — Или не знает. Если не знает, то надо помочь ей узнать... Может, если она узнает, она выгонит его отсюда...»

Лерка положила эту бумагу на кухонный стол, текстом вверх, и по углам ее, по всем четырем углам, поставила сервизные кофейные чашечки, для усиления эффекта.

Эффект был потрясающим.

Валерий Петрович-то как всегда молчал, а вот мать орала на Лерку как никогда.

— Ты никому об этом не скажешь! Слышишь меня?

— Конечно, слышу. Думаю, тебя и соседи даже слышат, и на улице.

— Не огрызайся! Ты никому об этом не расскажешь! Ясно тебе?

Лерка молчала.

— Я запрещаю! Если кто-то узнает! Если ты кому-нибудь, хоть кому-нибудь, расскажешь! Ты поняла?! — мать орала все громче и громче.

Лерка молчала.

«Кричи, кричи, — мысленно гипнотизировала она мать, — пусть он испугается, пусть он уйдет, убежит, провалится, умрет от страха...»

Лерка выбежала из дома. Надо помотаться где-нибудь часа три. Мать за это время и остынет, и спать захочет. Спать со своим Валерием Петровичем...

Лера решила поехать к папе.

Ольга сияла. Они поедут в Венгрию. Через две недели. Какое счастье. Одно тревожит: какая погода там будет, вдруг дожди, вдруг снега...

— Перчатки! — вспомнила она и убежала из прихожей.

Папа потихоньку сунул в карман Леркиной куртки пятидесятирублевку, прижал указательный палец к губам, сдвинул брови.

— Нет. Я не буду проходить, — грустно сказала Лера. — Папа, дай мне словарик, помнишь, маленький такой, серый, где и англо-русский, и русско-английский. А то у меня два огромных, их тяжело в институт таскать.

— Ой, — вмешалась вернувшаяся Ольга, — а вдруг он нам там, в Венгрии, понадобится?

— Ну ладно, тогда не надо, — уступила Лерка.

Папа поцеловал Лерку. «А только что целовал Ольгу», — подумала Лера. Выбежав на улицу, она увидела лужу, зачерпнула ладонью воду и вымыла щеку.

«О том, что я была у папы, не говорить маме. О том, что я вылетаю из института, не говорить папе. О том, что папа дал мне пятьдесят рублей, не говорить Ольге. О том, что Валерий Петрович имеет судимость, не говорить никому».

Не запутаться бы в этих легендах. Не забыть бы, где правда, где неправда. Итак, сегодняшняя легенда для матери. Повторить: «Была у Людмилы. (Неправда.) Представляешь, в библиотеке только пять учебников Никольского по ихтиологии. И это — на весь курс! Все разбились на кучки и вместе, всей кучкой, учат по одному учебнику. (Правда.) Завтра тоже у нее буду весь вечер. Нам чертежи надо чертить. (Неправда.) Я ведь сама и прямую линии не начерчу. (Правда, о которой не только родная мать, все на свете знали)».

Как далеко еще до среды. Как далеко до поездки к Людмиле. Среда — тяжелый день. Практика по токсикологии. Ужаснейший предмет с ужаснейшей практикой! И ей предстоит дежурить. Подойти к огромному аквариуму, из всех рыб выбрать две, выловить их, а потом из этих двух одну положить в аквариум с чистой водой, а вторую — в аквариум с ядом. Что там будет? Фенол уже был, щелочь была... Что еще придумают? Пестициды? А потом сидеть вместе со всеми остальными и смотреть на рыбку. Записывать: «беспокойное поведение, обиль-

ная слезь, тяжело дыхание...» Можно и не смотреть. Можно списывать у Людмилы, у нее самый разборчивый почерк, а, может быть, просто самый знакомый: «...рыба легла на дно, перевернулась, жаберные крышки перестали двигаться...» Самое страшное — самой выбрать из всех рыб одну, самой обречь ее на смерть, именно ее... Своими руками опустить ее в аквариум с ядом... При этом знать, что до нее очень многие и очень великие ученые так сделали, все записали, все объяснили, и все им верят, но продолжают убивать рыбу на занятиях по токсикологии. Потом перепуганную рыбу из аквариума с чистой водой, так называемый «контрольный экземпляр», надо вернуть в огромный аквариум и шепотом пожелать ей удачи. А рыбу, которой сегодня не стало, выкинуть в мусорное ведро. И вымыть аквариумы.

И поехать к Людмиле. Там будет так тихо, так тепло... Там так много любви, что обязательно достанется и ей. Скорей бы среда!

Хорошо, что завтра она увидится с Владом. Он обязательно ее отвлечет, развлечет, поцелует...

Влад отнесся к Гулькиной просьбе с энтузиазмом:

— Так... Есть у меня на примете кое-кто.

— Но надо, чтобы был высокий и умный, — предупредила Лера.

— Естественно!

— И симпатичный, — добавила Лера. — А то ее уже и Людмила с кем-то знакомила, и Наташа. А ей ни один не понравился.

— Да? А если и мой друг ей не понравится? Что я ему тогда скажу?

Лерка пожала плечами.

— Неловко ведь получится, — Влад задумался. — Слушай, а давай мы ему ничего не скажем про то, что мы хотим его познакомить, просто попросим что-то сделать. Гулька посмотрит, оценит, понравился или не понравился, никто не обидится...

— Гениально! — восхитилась Лерка. — А что попросим сделать-то?

— Ну, к примеру, пианино перенести из одной комнаты в другую.

— Какой ты умный! — Лерка захлопала в ладоши.

— Да, я такой.

На город налетели ветра. Так случалось каждую весну. Один ветер несся на юго-восток, срывая на лету вишневый, персиковый, сливовый цвет, другой рывками, толчками рвался на юго-запад, волоча за собой какой-то мусор, третий внезапно нападал с севера, сбивая с ног прохожих, четвертый обрушивался на голову по обыкновению именно в том месте, где сталкивались все прочие ветра... В институте гуляли сквозняки, иногда посвистывая, иногда вздыхая...

Медлительная, сонная Алла Григорьевна диктовала:

— При воздействии неблагоприятных факторов окружающей среды в организме развивается особое состояние адаптации, которое Ганс Селье назвал стрессом. Он определил стресс как совокупность реакций организма на действие раздражителей. То есть в ответ на резку меняющиеся условия окружающей среды в организме рыб происходят глубокие физиологические реакции адаптивного характера. Это гормональные, биохимические и гематологические изменения.

— Наверное, у меня сейчас тоже стресс, — жаловалась Лерка.

— Наверное, — соглашалась Людмила.

— Профилактика стресса у рыб основана на устранении стресс-факторов, — продолжала Алла Григорьевна. — Например, применение полноценных и обогащенных витаминно-минеральными добавками кормов...

— Тебе надо витамины попить, — советовала Люда.

— ...применение медикаментозных препаратов наркотического или седативного действия...

— Тебе надо выпить, — предлагала Люда.

Папа нашел Лерку на перемене, сообщил, что умер Леркин двоюродный дядя, дядя Ваня. Лерка не удивилась. Смерти дяди Вани все ждали уже несколько месяцев. Болезнь, поразившая его, была неизлечимой. А еще она была настолько мучительной, что смерть казалась спасением. Но папа, похоже, этого не понимал. Он смотрел мимо Лерки, куда-то вглубь коридора, смотрел неподвижно, будто боялся пролить застоявшиеся слезы, объяснял, когда и куда приходиться на похороны.

Дома сквозняки не приживались. Все окна квартиры выходили на одну сторону. Даже если и залетит какой-нибудь вялый, бессильный сквознячок, то забереется сразу за шкаф и никогда уже оттуда не появится...

Мать закатила глаза, сжала виски ладонями, излишне экспрессивно, даже карикатурно выкрикнула:

— Ваня умер?! О, Боже мой! Умер! — потом она немного невнятно, пискляво повздыхала и заявила: — Он так любил меня! Он считал, что я красивая! И умная. Советовался со мной часто...

Это была загадка биографии матери — никогда не было у нее ни подруг, ни друзей, ни близких, почти не бывало гостей в доме и не случалось поездок в гости, никого не тянуло к ней, да и сама мать ни к кому не тянулась... Но стоило кому-то умереть... Вдруг оказывалось, что покойный любил, обожал, ценил, восхищался, жаждал поговорить, ставил на пьедестал...

— Когда похороны?

— А ты что, хочешь пойти на похороны? — удивилась Лерка.

— Конечно! Мы ведь с Ваней так дружили, так замечательно общались, так душевно... И он очень ценил нашу дружбу!

В день похорон все ветра стихли. Но слетелись тучи — и все висли, висли, чернели, тяжелели.

Мать сходила только на вынос. В новом пальто. С сияющими глазами. С улыбкой. Всем своим видом показывая, что после развода она бесконечно, безмерно счастлива. Поболтала со всеми папиными родственниками. С отцом же даже не поздоровалась. А он и не посмотрел на нее.

Лерке мать шепнула:

— Ты видела новую жену твоего отца? Какая страшная... Такой носяка, такой подбородище...

Лерка поехала на похороны, на старое, немного запущенное, тихое кладбище, потом на поминки в деревянный, покосившийся тихий дом. Сидела между бабушкой и дедушкой, слушала печальные и смешные истории про дядю Ваню, ела, грустила. Посмотрев в окно, она увидела очень худую, несчастную, голодную-преголодную собаку.

— Дедушка, — шепотом спросила она, — а можно кормить собаку едой с поминального стола?

— Ох, внученька, — тяжело вздохнул дед, — лучше хорошая собака помянет, чем плохой человек.

Прихватив с собой несколько полукружий колбасы и два куса мясного пирога, Лерка выскочила на улицу. Собака проглотила угощения в одну секунду, но счастливее не стала. Даже не взглянув на Лерку, поплелась, опустив голову, вдоль по улице. Лерка почувствовала такую тоску, такую усталость, что захотелось побыстрее домой: поспать или поплакать.

Мать была в ярости:

— Значит, ты ходишь к отцу?! Ты? К отцу? Ходишь? Ходишь? Ты? К отцу? Ходишь? К его жене?! Ходишь? Ты от меня скрывала!!! Ты мне врала!!! Вот и убирайся к ним! К маме своей! Любимой!

— Я сходила туда два раза, — лепетала Лера, — чтобы продукты взять...

— Ты? Ходила? К отцу? Ты?

«Кто рассказал?» — думала Лера. — «Не бабушка, не дедушка... Они вроде бы не разговаривали с матерью. А кто? Кто еще знал? А может, все уже знают... Вся родня... Друг по дружке все узнали... Как прошмыгнуть в свою комнату?»

— Валечка, — раздался тихий голос Валерия Петровича — ужинать скоро будем?

Мать удалилась на кухню.

«Ну, хоть какой-то прок от него», — подумала Лерка, убегая в свою комнату.

Через несколько минут Валерий Петрович показался в дверном проеме:

— Лерочка, пойдем ужинать.

— Спасибо, — с трудом натянув на себя улыбку, ответила Лера, — я не хочу.

— Пойдем-пойдем.

— Нет, правда, не хочу. Я так объелась на поминках.

Пока все ветра отдыхали, поднялся самый противный, восточный. Он нес песок. Денно и ночью с востока на запад через весь город он нес песок. Песок был везде — на асфальтовых дорожках, на скамейках, в глазах, в ушах, на зубах... Выходить из дома Лерке не хотелось, в институт идти не хотелось, хотя в институт не хотелось бы, даже если ветра бы не было. Но она и так уже погрязла в долгах, обросла «хвостами», нахvatала двоек... Она, возможно, даже вылетит...

Седовласая, старомодно одетая Эрнa Константиновна шамкала, часто и быстро облизывая губы:

— Потребность, в широком смысле этого слова, — это нужда в чем-то, требующая своего удовлетворения. В экономике же под потребностями мы понимаем желание потребителя приобрести нужный товар или услугу.

— А у меня потребность — провалиться куда-нибудь, исчезнуть, пропасть, — хныкала Лерка.

— Человеческие потребности безграничны. Потребности бывают первичные — как, например, потребность в еде...

— Тебе надо нормально питаться, — увещевала Людмила Лерку. — Ты так похудела.

— ...И вторичные — как, например, потребность в чтении.

— Мне надо молитвы читать, — возразила Лерка.

— Точно! — обрадовалась Людмила. — Сходи в церковь.

— Я была там один раз в жизни, сто лет назад, во втором классе... Или в третьем... И не одна, с бабушкой... Я не помню, как туда ходить. Не, не пойду.

Когда в столовке давали сосиски, это был праздник. С пюре, правда, праздник был бы куда радостнее, чем с тушеной капустой...

— Куда мы потащим пианино? Зачем? — возмущалась Гулька. — Кто так тушит капусту? Фу! На сопля похоже! Оно прекрасно стоит в прекрасном месте! Куда его? В зал? На кухню?

— Действительно, — вмешалась Наташа. — А лучшего места для пианино у них больше нет.

— Да, — согласилась Людмила.

— А давайте так! — осенило Лерку. — Мы придем вдвоем с Владом, перетащим пианино туда, где оно не должно стоять, в зал, например, к телевизору, а потом позовем этого друга и перетащим пианино обратно!

— Ага, — съязвила Гулька, — а еще мы увезем тебя в больницу с какой-нибудь грыжей, поцарапаем линолеум, а посемя я отправлюсь в травмпункт с переломами, нанесенными мне папой в отместку за линолеум, а моя мама сляжет с инфарктом от жалости к линолеуму и ко мне...

— А давайте вот как! — предложила Люда. — Мы купим четыре билета на какой-нибудь концерт, сделаем вид, что один билет пропадает... Девать его некуда... И Влад позовет этого своего друга!

— Я на попсу не пойду, — твердо сказала Лерка. — Я не смогу три часа слушать дебильности. У меня аллергия на дурацкие слова и чувственную музыку. Я предпочитаю грыжу.

— Правильно, — вздохнула Гулька. — Пусть лучше лучшая подруга, умница и красавица, умирает от одиночества в самом расцвете лет...

— Девочки, у меня вопрос посерьезнее, — перебила Наташа. — Кто из вас будет свидетельницей на моей свадьбе? — И, выждав тяжелую паузу, с робкой надеждой спросила: — Надеюсь, вы не подеретесь?

— Подеремся, — заверили ее и Люда, и Гуля, и Лера.

Улетели все ветра. До осени не вернутся. Близилось лето с невыносимой жарой, с духотой и пылью.

Мать при каждом удобном случае бросала, швыряла Лерке в лицо: «Иди жить к отцу!» Оставила Лерка носовой платок на кухне. «Иди жить к отцу!» Не помыла обувь. «Иди жить к отцу!» Разбила вазу. «Иди жить к отцу!» В доме стало невозможно находиться. Ежечасно, ежеминутно, ежесекундно Лерка боялась, что ее сейчас выгонят. И куда ей идти?

Зато в институт Лерка теперь ходила строго по расписанию, не пропускала, не опаздывала. Более того, приходила пораньше, задерживалась, чтобы исправить оценки... И чтобы не возвращаться домой.

— Может, тебе и впрямь пойти жить к отцу, — предложила Наташа.

— Нет. Не хочу, — сердито сказала Лерка. — С какой стати? Он нас бросил...

— Ну, он не тебя бросил, а жену, — вступилась Людмила.

— Смотрите, — Лерка указала за окно, — видите пьяного мужика?

— Ничего себе! — удивились и Гулька, и Люда, и Наташа. — Раннее утро, а он уже такой пьяный!

— Пьяный, грязный, противный... — продолжала Лерка. — Vonючий, наверное... Но вот если бы у меня был ребенок, и если бы этого ребенка приковали наручниками к этому мужику, а ключ потеряли бы... Я бы не бросила ребенка. Я бы осталась с ним. А значит, осталась бы и с этим мужиком. Я точно знаю. Каким бы ни был он. Я бы терпела. Я бы вытерпела все. Но с ребенком бы я не рассталась! Никогда! О-о-о-о! Начинается! Я ненавижу математику! Зачем нам математика? Я ее не сдам! Точно не сдам. Вот увидите.

Алевтина Александровна, женщина с тяжелым взглядом и остатками былой красоты, металлическим голосом диктовала:

— Если совместная система уравнений имеет единственное решение, она называется определенной. А если у нее бесконечное множество решений, то неопределенной.

— А у меня нет ни одного решения, — ныла Лерка.

— Для того чтобы определить критерий совместности системы линейных уравнений, надо знать теорему Кронекера-Капелли.

— Скучотица, — зевнула Люда.

— Я знаю решение! — зашептала Наташа.

— Какое? — спросили и Лера, и Люда, и Гуля.



— Лерке надо выйти замуж! — заявила Наташа.

— За кого? — поинтересовалась Люда.

— За Влада, конечно.

— Но он не предлагал... — вздохнула Лера.

— Значит, тебе надо намекнуть. Как-то подвести его к этому, — настаивала

Наташа.

— Намекнуть? Это как-то... не по-женски... — воспротивилась Лерка.

— Зато как бы здорово было, — мечтательно сказала Люда. — Ты бы уехала от матери, жила бы с Владом, никто бы не выгонял тебя из дома, никто бы не орал на тебя.

Металлический голос зазвучал громче:

— Кому не интересно, можно выйти и больше не возвращаться.

Добрая, улыбчивая Нурия Абдрахимовна бродила между партами:

— Возьмите по три пробирки с питательной средой и ватными пробками. Щербаков, возьми, пожалуйста. Потихе, ребята!

— А давайте я намекну Владу, — вызвалась Гулька. — Вот будем пианино перетаскивать, и я намекну.

— Ты же сказала, не надо перетаскивать, — удивились девочки.

— Представляете, родители решили делать ремонт в моей комнате. И надо перетащить пианино.

— Это знак! Это судьба! — обрадовалась Лерка.

— Возможно, — согласилась Гуля. — А главное, что если мне ваш друг не понравится... Рано или поздно придется перетаскивать пианино обратно... Можно будет другого друга позвать.

— Начинается, — зашипела Наташа. — Нельзя быть такой привередливой.

— Почему это? — возмутилась Гуля.

— Потому что скоро дискотека, — напомнила Люда. — А на дискотеку придет и Мишка, и его мочалка. А ты...

— Девочки, мальчики, — терпеливо уговаривала Нурия Абдрахимовна. — Возьмите по пинцету. Пухова, на, возьми! И химические карандаши, чтобы пронумеровать пробирки: один, два, три. Теперь... Ребята, потихе, пожалуйста.

— Да. Точно. — Гулька задумалась. — Придется встречаться с кем придется. Все! Беру не глядя. До дискотеки совсем немного...

— Может тогда и не надо пианино таскать? — предложила Лера.

— Надо. Пусть Влад с этим другом придет ко мне. А ты не приходи. Как будто ты не смогла. Придумай что-нибудь. И я поговорю с Владом.

— Не выдумывай! — отказалась Лера. — Не хочу я за него замуж.

— Поместите по две самки дрозophilлы в каждую пробирку, — умоляла Нурия Абдрахимовна, — Кузьмина, в каждую пробирку!

— Ненавижу, — застонала Лерка.

— Влада?! — ужаснулась Гулька.

— Насекомых!

Валерий Петрович исчез. Исчезли дезодорант, бритва, грязные носки, склизкая улыбка. Мать стала отрешенной, вялой. Приходя с работы, ложилась на диван, сворачивалась клубком под пледом, закрывала глаза. Лерка сама включала ей телевизор, сама громко возмущалась, пытаясь растормошить мать:

— Смотри! Ну, посмотри! Как она вихляется! Как виляет бедрами! Какой взгляд! Сколько похоти! Фу, грязно как!

Мать оживлялась, спрашивала:

— А губу-то она зачем прикусывает? Распутство какое-то...

— Да, — соглашалась Лерка. — Точно! Распутство! Ух ты, какой многозначи-

гельный взгляд! Прямо на меня... По-моему, она хочет распутничать со мной... Фу-у-у-у! Довольно мерзкие ощущения.

— Пошлость. Откровенная пошлость, — мать снова задремывала, — выставленная напоказ. Она, наверное, даже гордится своей пошлостью.

— Я думаю, она за это очень большие деньги получает, — Лерка прибавила звук. — Жалко я плохо пою, тоже могла бы зарабатывать.

— Можно подумать, эта хорошо поет, — зевая, отзывалась мать.

«Он позабыл, что он дельфин,

Забыл семью свою родную.

Летел он из морских глубин

В надежде робкой поцелуя», — неслось из телевизора.

— Это же неправильно, да? — спрашивала Лера. — В надежде на поцелуй или в надежде поцеловать, да? Это неправильно?

— Это безнадежно, — вздыхала мать. — Смотри без звука. Это невозможно слушать.

— Можно подумать, это возможно смотреть. И вообще я жду рифму. Но, похоже, ее не будет. Ладно. — Лерка выключала звук. — Бывают же стихи без рифмы.

— Представляешь, сегодня стояла на остановке, ждала троллейбус. Какая-то женщина, в возрасте уже, бабушка, наверное, с внучкой. Она учила эту внучку, маленькую-маленькую, славную, симпатичную такую девочку петь песню. — Мать напела: — Ксюша, Ксюша, Ксюша, юбочка из плюша, русая коса. Ксюша, Ксюша, Ксюша, никого не слушай и ни с кем сегодня не гуляй. Представляешь? Учила, поворачивала несколько раз... Даже я запомнила эту чушь. И когда девочка спела эту песню от начала до конца, эта женщина так обрадовалась, она хвалила, она поцеловала... А мне хотелось подойти, сказать ей, что нельзя... что есть другие, хорошие песни... Мне было так жалко эту малышку, — мать зевала. — Схватить бы этого ребенка и унести подальше от этой тупости. Я вообще не понимаю, как народ, знавший Пушкина, знавший Пушкина с детства, учивший Пушкина наизусть, мог опуститься до «Ксюша, юбочка из плюша»...

— А это кто?! Смотри! Смотри — кто! Какая короткая юбка! Ой, она крутанулась, юбка взлетела, оператор — молодец, увернулся, увел камеру. Спасибо, хоть трусы не показали.

— Вот это да! — мать даже привстала.

— Она твоя ровесница? Да? Ей сорок три? Да?

Мать кивнула.

— Очуметь! Мам, тебе бы тоже такая юбка пошла. Ноги у тебя красивые. Талия тонкая. Жалко, что ты у меня умная женщина и понимаешь, что в сорок три года такие короткие юбки нельзя носить.

— А ты знаешь, что ей дали «народную артистку»?

— Ей?! Ва! За что?

— Не знаю, — мать снова улеглась и закрыла глаза. — Но я знаю, я чувствую, скоро всем *едваприкрытопомым* дадут «народных артистов».

— Давай послушаем, — Лерка прибавляла звук.

«Подарила мне судьба любимого,

Долгожданного, терпеливого»...

Мать расплакалась. А Лерка дала себе слово никогда в жизни больше не смотреть телевизор.

Днем становилось уже по-летнему жарко. У входа в институт появилась бочка с квасом, облепленная со всех сторон иностранными студентами, которые очень хотели попробовать диковинный напиток. Они не умели стоять в очереди, ну, не набрались еще опыта, просто окружали бочку и терпеливо ждали. Те студенты,

что выросли в нашей стране, подохли, совали монетки бабушке в белом халате, через минуту уже пили квас, совершенно не мучаясь угрызениями совести.

— Две новости, — сообщила Гулька, — хорошая и плохая. Хорошая — мальчик этот мне понравился.

— Не может быть! — ахнула Людмила. — Понравился? На кого же он похож? На Алена Делона? На Тимоти Далтона? На Митхуна Чакраборти? На кого? — толкнула она Лерку локтем.

— Я его не видела, — пожала плечами Лера. — Но Влад сказал, что он чем-то похож на Мишку.

— Точно! — Гулька округлила глаза. — Он чем-то похож на Мишку!

— А-а-а-а... — протянула Людмила. — А я-то, дурочка, думала, на Алена Делона.

Маленький, щупленький, суетливый Федор Степанович диктовал как всегда очень быстро:

— Ветер — это поток воздуха, который движется около земной поверхности. Классификация. Порывы — кратковременные и сильные ветры. Шквалы — сильные, средней продолжительности ветры. А, кстати, вы знаете, что у разных народов есть еще и местные названия. Вот в Испании есть ленивый ветер, в Греции — рыжий ветер, еще в Греции — сумасшедший ветер.

— Ну, это и у нас есть! — выкрикнул кто-то.

— Нет, вы не правы, — продолжал Федор Степанович, — у нас на Волге есть гнилой ветер. Не возмущайтесь, не расстраивайтесь. Это не самое страшное название. Например, на Селигере есть ветер Покойник. Куда хуже, правда? Так вот. На Камчатке — бабий ветер. Почему бабий? Потому что он благоприятен для сушки белья. А на Селигере — женатый ветер. Почему женатый? Потому что стихает на ночь.

— Ах, да! — вспомнила Лера. — Гулька! Ты поговорила с Владом? Он собирается на мне жениться?

— Потом, — отмахнулась Гулька.

Со звонком на перемену вдруг хлынул ливень, сильный, шумный, казалось, нескончаемый.

— Не пойдем в столовку, — поежилась Наташа. — Неохота выходить на улицу. Босье простыть перед свадьбой. Купим в буфете пирожки?

И они понеслись четвером. По четко отработанному плану — все вниз по лестнице на первый этаж, налево, по коридору, в буфет, двое направо занимать стол и стулья, двое налево к витрине покупать пирожки. Пока не набежала толпа.

— Ну что? Что Влад сказал? — спросила Лерка и надкусила пирожок.

Гуля вздохнула:

— Прости, но...

— Нет?! — перебила Люда.

— Ну, он сказал, что жениться рано, что надо учиться, карьеру делать, что Лерка, конечно, классная девчонка, что она уровнем выше его предыдущей девчонки, что он всегда идет вверх, выше уровнем, еще выше. Он так долго и сбивчиво объяснял мне про какие-то уровни. Я так поняла: Лерка — на уровне, но есть уровни еще выше. И я так поняла, что он туда и направится... На другой уровень. Наверное, там, на тех уровнях, более красивые девочки, или более обеспеченные, или более еще что-то. А Лерка останется здесь, внизу.

— Вот гад! — возмутилась Люда.

— Вот свинья! — рассердилась Наташа.

Лерка, дождав второй пирожок, заявила:

— Еще хоч!

И купила себе еще два пирожка.

— И правильно! Плевать! Молодец, Лера! — похвалила ее Людмила.

— Как это ты его разговорила? Чего это он с тобой так откровенничал? — спросила Наташа.

— Есть у меня одно средство... — загадочно улыбнулась Гулька. — Папина самогонка! Папа разрешил угостить ребят своей любимой самогонкой. В знак благодарности за перенос пианино. Самогонка хорошая. Влад выпил немало...

— А она осталась? Самогонка? — оживилась Лерка. — Хочу самогонку!

— Тогда — Игорь, — сказала Наташа.

— Нет, — рассмеялась Лерка. — Это не мой уровень. Игорь, конечно, хороший, добрый, веселый... Но... Знаете, он ведь совсем другой. Я вот представляю себе... Он приходит домой, жарит себе яичницу. Какую музыку он включает? «Ксюша, Ксюша, Ксюша — юбочка из плюша, русая коса. Ксюша, Ксюша, Ксюша, никого не слушай и ни с кем сегодня не гуляй». И вдруг выключают свет. Магнитофон, естественно, умирает. Но еще светло. Еще можно почитать. А вот что он будет читать? Заболоцкого? Нет! Лермонтова? Нет! Блока? Нет!!! Он никогда в жизни уже не будет читать Блока! Он никогда уже не вырастет, понимаете? Он так и останется амебой. И с каждым годом будет становиться все примитивнее и примитивнее.

— Сейчас все слушают попу, — сказала Гулька.

— Только не я, — возразила Лера. — И никогда не буду слушать попу. Ну, если только сойду с ума. И там, в дурдоме, врачи поставят попу, а я буду в смири-тельной рубашке, и не смогу ее выключить.

— У каждого человека есть свой плинтус. Тогда тебе надо замуж за иностранца, — решила Наташа. — Ты же не поймешь какой-нибудь арабский язык, испанский не поймешь, по крайней мере, первое время.

— Наташка, какая ты умная! — восхитилась Людмила. — Кстати, то ли приняли, то ли хотят принять закон о свободном выезде советских граждан за границу. Захотел — уезжай!

— О! Выходи за Джая! — предложила Гулька. — Ты ему нравишься. Между прочим, он из богатой семьи. Его папа — хозяин банановой плантации.

— Не годится, — перебила Людмила. — Вы хоть раз видели, как Лерка поглощает бананы? Она сожрет у них всю плантацию. Они разорятся. И будет наша нищая, голодная Лерка плакать под пальмой в чужой стране. Откуда Джай? Из Маврикия? Вот в этом Маврикии и будет...

— Тогда за Хуана, — предложила Наташа. — Помнишь, как ты танцевала на его рубашке?

— На рубашке? — удивилась Гуля. — Когда? Зачем?

— На дискотеке, — рассказала Наташа, — зимой еще. Тебя не было почему-то... А! Когда у тебя ангина была. Помнишь? Так вот. Танцуют все быстрый танец. Под эту вот... Как там?.. A flash in the night, a flash in the night. И тут Хуан снимает свою рубашку, красную, яркую, блестящую такую... атлас, по-моему... бросает ее на пол, и руками так — эх... Приглашает Лерку потанцевать на его рубашке. Лерка, добрая душа, танцует на этой рубашке. И вдруг оказывается, что теперь по ихним, эквадорским, обычаям Лерка должна провести с Хуаном ночь. Ну и все такое... Мы-то с Людой сразу поняли, что именно полагается по этим обычаям. А Лерка не поняла, не догадалась ни капельки. Она, этот культурный человек, решила, что обычаи надо соблюдать. Короче, еле выковыряли ее с дискотеки и спасли.

— Слушайте, а в Эквадоре, наверное, так красиво! — сказала Гулька.

— И культурно! — поддержала ее Люда. — Одна латиноамериканская проза чего стоит! Лерке очень нравится этот... писатель... как его... Сабато!

— Он из Аргентины, — возразила Лера.

— Хорошо, кто там еще из писателей? А! Кортасар!

— Он тоже аргентинец.

— Фу ты, что ж ты будешь делать! А из Аргентины у нас никто не учится?

— У нас — нет, — сказала Наташа. — Надо спрашивать на других курсах.

Побежали на генетику. Давайте быстрее!

Шамас Абдурахманович, улыбаясь в густую бороду, бубнил:

— Следующая задача. Мужчина, страдающий глухонемой и дальтонизмом, женился на женщине, нормальной по зрению и слуху. Какова вероятность рождения здорового ребенка от этого брака? Какова вероятность рождения ребенка, страдающего двумя аномалиями?

— Лерка, — зашептала Гуля, — может тебе выйти замуж за глухонемого?

Наконец-то повесили объявление о дискотеке. «Что надеть? — думала Лерка по дороге домой. — Вечерами еще прохладно, а значит, футболку не наденешь. А с “бананами” — только футболку. И хочется в “бананах”. Вдруг они осенью выйдут из моды...»

Мать оживала. Все громче гремела посудой, все злее припоминала Лерке, что та похожа на отца, что общалась с отцом, что врала...

— Где рис, где гречка? — спросила мать, разобрав принесенную Леркой сумку.

— Это то, что бабушка отоварила. Остальное у отца.

— Ясно. Значит так. Послезавтра я отпрошусь с работы и мы поедем выписывать тебя от бабушки с дедушкой. А потом пропишем тебя сюда.

— Хорошо.

Город зеленел все больше и больше. Студенческий городок уже утопал в зелени. Лерка, несмотря на все свои старания, утопала в двойках. Шла по аллее, опустив голову вниз, любясь просыпавшимися сквозь листву солнечными зайчиками, и думала, что зря она выбрала биологию, никогда не сможет она стать биологом, не сможет разрезать ни живого, ни мертвого, ни голубя, ни червяка, не заинтересуется, не залюбуется на то, что там у него внутри, вообще ничего не почувствует кроме жалости и боли... Хорошо, что сегодня все гуманитарное. Самое подходящее для Леры.

— Ты что? Ты не будешь больше приходить к папе? К бабушке? К дедушке? Ты правда так решила? Серьезно? — удивилась Людмила.

— Не знаю, — ответила Лерка.

— Но это неправильно.

— А то, что сейчас происходит, правильно? Да?

— Но ты будешь скучать. Ты сильно-сильно будешь скучать.

— Зато сейчас мне так весело, — съязвила Лерка.

Самый красивый преподаватель института Сергей Леонидович, устав от восхищенных взглядов девчонок, рассматривал что-то на потолке:

— Консерватизм настаивает на сохранении основных ценностей, а радикализм требует их коренного изменения. Радикальные течения появляются в обществе тогда, когда правящие силы теряют способность решать проблемы общества. И радикализм в этом случае привлекает общество, поскольку в тяжелой ситуации человеку требуются быстрые, простые, окончательные решения. То есть проблемы, нестабильность, неуверенность в завтрашнем дне...

— Как с меня писал, — выдохнула Лерка с восхищением.

На перемене влетела сияющая Гулька. Победоносно закричала:

— Девочки, не падайте! — и, понизив голос, рассказала: — Вчерашний вечер, часов девять, звонок в дверь, я открываю, Мишка стоит, цветы, слезы в глазах,

прости, люблю тебя, все забудем, все начнем сначала... Я так счастлива! Даже проспала...

— Ты простишь его? — удивились и Люда, и Лера, и Наташа.

— Конечно! Я же люблю его!

— А вдруг, — Люда обняла Лерку, — твой папа вернется к твоей маме, скажет «прости» со слезами в глазах, и она его простит...

Лерка засмеялась.

— Вы считаете меня душой? — спросила Гулька.

Пузатая, величавая преподавательница, имени которой никто не запомнил, уткнувшись в тетрадь, вещала:

— Риск — это количественная характеристика действия опасностей, формируемых деятельностью человека.

— Слышишь, Гулька, — шептала Наташа, — ты своей деятельностью формируешь опасность того, что Мишка тебя снова бросит.

— Риск, — продолжала безымянная преподавательница, — это частота реализации опасностей, это мера ожидаемых потерь.

— Вот, Гулька, — шептала Людмила, — ожидай теперь новую потерю Мишки.

— Величину риска определяют по формуле: риск равен числу чрезвычайных событий в год, поделенному на общее число событий в год.

— Жалко, мы не можем пока вычислить риск следующего Мишкиного ухода, — вздохнула Лера, — они ведь меньше года знакомы. Ладно, осенью измерим.

— В производственных условиях различают индивидуальный и коллективный риск. Индивидуальный, разумеется, — реализация опасности для конкретного индивидуума...

— Действительно! — восхитилась Наташа. — Для конкретного индивидуума! Для Гули! Мишка-то ничем не рискует! Правда, Гуля?

— Я с вами не разговариваю, — отрезала Гулька. — Я буду дружить с другими девочками. И если Мишка меня снова бросит, те, другие, девочки познакомят меня с такими мальчиками, которые мне понравятся, потому что у тех, других, девочек будет отменный, изысканный вкус...

— Это Мишка — изысканный вкус? — вскрикнула Людмила.

— Как повысить уровень безопасности? — преподавательница наконец вынырнула из своей тетради и подняла указательный палец. — Вот основной вопрос теории и практики безопасности жизнедеятельности.

С физкультуры Лера сбежала. С физкультуры можно. Там у нее все хорошо, все замечательно. Один прогул всего-то. Ну и сегодня — второй.

Дома было тихо. Телевизор молчал, кошка спала, Лерка рисовала ее портрет. До прихода матери оставалось еще два часа. Целых два часа безмятежности... Раздался звонок в дверь.

«Кто это?» — подумала Лерка.

За дверь стояла незнакомая женщина.

— Лера? — спросила она.

— Да.

— Я — коллега твоей мамы. Ты только не переживай. Но Валентину Тимофеевну увезли в больницу. Прямо с работы. На «скорой». Врачи сказали, высокое давление, а еще они подозревают язву. Не пугайся. Это лечится. Но пока ее оставили в больнице. На несколько дней.

Несколько дней безмятежности... Несколько ночей безмятежности... Тихих дней... Бесслезных ночей... Бродить по пустой квартире, бегать, прыгать. Свобода! Выдох! Невероятное облегчение. Ни страха темноты, ни страха за мать, ни сты-

да за то, что нет страха за мать, ни желания есть, ни желания читать... Только облегчение. Опустошающее облегчение. Легкое, приятное опустошение.

Сон в ту ночь снился Лерке спокойный, радужный. Будто сидит она у кромки моря. А волны, подступая, касаются ее ног мягкими, воздушными барашками, а отступая, обнажают крупные разноцветные камни. Правда, Лерка не успевала взять камень, как барашки снова укрывали их... Но все равно ей было удивительно радостно.

В институт она пришла в прекрасном настроении.

— А знаете, девочки, — призналась Гуля. — Я выпытала у Мишки. Оказыва-ется, это мочалка его бросила. Понимаете? Не он ее, а она его...

— Ну и ладно, — сказала Люда. — Ты ведь любишь его. Ты счастлива с ним.

— Нет, — решительно отрезала Гуля. — Несчастлива. И никогда не буду счаст-лива с ним. Потому что всегда буду ждать следующую мочалку...

— Это не должно мешать тебе быть счастливой. Потому что все умные женщи-ны всегда ждут мочалку, всю жизнь, — заявила Наташа. — Я через неделю выхо-жу замуж и точно знаю, что когда-нибудь, не знаю, когда, может через год, мо-жет, через десять лет, появится какая-нибудь мочалка.

— Не может быть! — ужаснулась Лера.

— Очень даже может, — продолжала Наташа. — Каждая женщина хоть раз в жизни переживала измену мужа. А если не переживала, значит, она просто не знает о ней.

— Неужели каждая? — спросила Люда.

— Все, — заверила Наташа. — Все, кого я знаю. Ой, забыла сказать, Вик Вик сказал, у кого долги по зоологии беспозвоночных, может прийти к нему завтра к трем часам, сделать какие-то стенды, и он поставит допуск к экзамену.

— Ура! Лера сможет закрыть зоологию! Счастье какое! — обрадовалась Люда и велела Лерке. — Иди делай стенды.

— Я не умею рисовать, чертить не умею!

— Надо! — приказала Люда. — Другого выхода у тебя нет. Вспомни, сколько у тебя «хвостов».

После института Лера отправилась в больницу к матери.

Запах больницы — букет лекарств с ароматом спирта, резкая нота хлорки с кислинкой тушеной капусты. Мать лежала, укрывшись серой простыней. Лицо ее было серым. Мутные серые глаза, бледные губы, бесцветный голос...

Что-то задрожало у Лерки внутри. То ли это тяжело и часто забившееся от стра-ха сердце трясло всю Лерку... То ли болезненно трепещущая от жалости душа ...

— Если я умру, деньги тебе дадут на работе. У нас помогают в таких случаях. Позвони всем. Лебедевым, Федоровым... Они тоже помогут. Все устроят, все при-готовят. Одна не оставайся. Иди к отцу.

— Мама, я больше не пойду к отцу! — всхлипывала Лерка. — Никогда! Клян-усь!

— Иди к отцу. Он тебя не бросит. Прокормит. Вырастит. Больше тебе не к кому иди. Или к бабушке с дедушкой иди.

— Мама, я не пойду к бабушке с дедушкой! Никогда! Клянусь!

— Институт закончи. Замуж рано не выходи. Не забывай приходиться ко мне на могилу. Хотя бы раз в год...

— Мама, ты не умрешь!

Лерка вышла из больницы зареванная, подавленная, обессиленная.

«Как это ужасно, — думала она, — лежит человек, болеет, мучается, а ты си-дишь рядом и ничем, совершенно ничем и никак не можешь ему помочь. А чем

тут можно помочь? Чем можно помочь? Чем можно помочь? Чем можешь помочь ей? Чем можешь помочь мне?»

И вдруг Лерку осенило: «Надо пойти в церковь! Это будет помощь! Самая настоящая помощь!»

В церкви было тихо и сумрачно. Маленькие огоньки свечей золотели по углам. Лерка пошла в правый дальний. С двух свечей, стоящих на кандиле, лилась такая мягкая, просто волшебная теплота. Запросто можно было расплакаться, растаять. Ведь даже Богородица на иконе, выставив ногу вперед, будто грея ее над кандилом, светилась и таяла. И появилось вдруг так много воздуха и света... И поняла Лерка, поверила она, даже не поверила, а как будто узнала, узнала наверняка, что все будет хорошо. И стало вдруг так легко! Будто превратилась Лерка в воздушный шарик. Слово здесь, в этом теплом волшебстве, нашла она правду и получила силу. И поняла она, поверила, узнала, что никто теперь, никто и никогда не сможет ее обидеть.

— Пришла в церковь в брюках! Бессовестная! — зашипело сзади.

Лерка повернулась. Низенькая, рыхлая старуха сверлила ее злобными глазами.

— Бесстыжая!

— Ну и чего ты выступаешь? — смело и слишком громко, нарочито громко сказала Лерка. — Я же не к тебе в гости пришла, а к Богу. Не командуй тут.

На следующее утро Лерка бодро шагала в институт, бормотала себе под нос:

— Все будет хорошо. Я сильная. Соберусь, все сдам, экологию выучу, экономику вызубрю, математику спишу, физику выклянчу, гистологию выгундю, геодезию мне Люда начертит, зоологию... Ой, стенды сегодня... Ой, не нарисую. Не начерчу. Даже с линейкой не начерчу. Но я пойду. Я сильная. Может, там наклеивать что-то надо... Или вырезать... Ну или поклянчу.

И Лерка пошла.

На парте лежали кусок пенопласта, портновские булавки, полоски бумаги, фломастер, стояла литровая банка с копошащимися в ней жуками.

— Так. — Вик Вик внимательно оглядел трех должников. — Кто будет писать?

— Я! — вызвалась Лерка.

— Хорошо. Пишешь на этих бумажечках названия. Вот, переписывай из этого списка. На одной бумажке — одно название. Я потом сам их подклею, а то вы все перепутаете, как всегда. А вы, мальчики, — обратился он к остальным, — прикалываете жуков к пенопласту. Вот так. — Он вытряс из банки одного жука, проколол его булавкой и прикрепил к пенопласту. — Оставляйте место для названия под каждым жуком. Сантиметров пять. И вообще — равномерно их как-то распределите, чтобы красиво было.

«Водолюб», — написала Лерка на первой бумажке. Жук пытался освободиться, отталкивался лапами, крутился на булавке. «Ранатра», — писала Лерка. Ей безудержно хотелось схватить со стола банку с оставшимися жуками, выкинуть в окно, чтобы хоть кто-то выжил. Но она старательно выводила синим фломастером: «Хищнец». Несколько жуков, устав, отчаявшись, еле-еле повода усиками, медленно умирали на иголках. «Гребляк», — продолжала Лера. Самый крупный жук наконец успешно оттолкнулся и пополз с булавкой в спине к Лерке. Он полз трудно, мучительно. Кончик булавки, выходящий из его брюшка, был чуточку длиннее лапок, поэтому жук спотыкался, переваливался, но полз. Полз неуклонно к Лере. Как будто чувствовал он: только Лерка, только она одна в целом бездушном мире может взять его, вынуть булавку, поднести к небу. На надпись «Жужелица» закапали Леркины слезы. Чьей-то ловкой рукой беглец был пойман, снова приколот к пенопласту. «Мраморный хрущ», — Лерка склонилась низко-низко, чтобы не видеть жуков, особенно того жука, самого большого, который шел к



ней за помощью, который так надеялся на нее... «Красотел», — старательно выводила Лерка.

— Так, — сказал Вик Вик, — одного пенопласта вам не хватит, пожалуй. Пойду еще за одним схожу. — И вышел.

«Бронзовка мраморн...» — Лерка прервалась на полуслове, встала, взяла булавку со своим жуком, подошла к распахнутому окну. Жук словно обрадовался ей, замахал лапками, зашевелил усиками. Лерка сняла жука с иглы, сбросила его... Она даже не поняла, полетел ли он, упал ли на землю... Она увидела стоящую за окном папину машину.

Лерка резко отпрянула от окна. Повернулась к застывшим от изумления мальчишкам:

— Ребята, а в этом корпусе есть запасный выход? Ну что вы молчите? Запасный выход? Черный выход? Аварийный выход? Ну, вспоминайте быстрее! Подкоп какой-нибудь? Дыра в стене? Не знаете? Мне нужно скрыться! Мне так нужно скрыться!

— Там, — очнулся один из них и махнул рукой, — под лестницей. Там дверь, которая на ту сторону выходит.

— А она открыта? Она не заперта? Не заколочена? Не замурована?

— Она всегда открыта. Только она тяжелая. Надо прям так с силой навалиться. Тяжело открывается.

— Не переживай. Я открою. Я сильная...

